

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Мирослав Морозов

ГЕРОИ ПОДВОДНОГО ФРОНТА

**ОБОРОНА МОРСКИХ РУБЕЖЕЙ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Мирослав Морозов

**Герои подводного фронта. Они
топили корабли кriegсмарине**

«Центрполиграф»

2015

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Морозов М. Э.

Герои подводного фронта. Они топили корабли кriegсмарине
/ М. Э. Морозов — «Центрполиграф», 2015 — (На линии
фронта. Правда о войне)

ISBN 978-5-227-07027-2

В годы Великой Отечественной войны советские подводники потопили и повредили 185 кораблей и судов противника. 96 советских подводных лодок и около 3,5 тысяч подводников погибли. Эти цифры могут лишь в незначительной степени передать весь драматизм той борьбы, которая велась на подводном фронте в 1941–1945 гг. Главной фигурой на любом подводном корабле всегда был командир. По ряду причин имена настоящих героев из командиров-подводников стало возможным назвать лишь в наше время, когда пали идеологические оковы и стали доступны документы наших и зарубежных архивов. В годы Великой Отечественной войны в боевые походы ходили 208 командиров. В результате изучения документов выкристаллизовался список из десяти наиболее заслуженных подводников. Достижения каждого из героев настоящей книги по-своему уникальны. Тем парадоксальнее выглядит почти полное забвение этих имен в современном российском обществе. Данная книга направлена на исправление этой несправедливости.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-07027-2

© Морозов М. Э., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Предисловие	7
Михаил Петрович Августинoвич	9
Михаил Васильевич Грешилов	28
Александр Данилович Девятко	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мирослав Морозов

Герои подводного фронта. Они топили корабли кriegсмарине

© Морозов М. Э., 2016

© «Центрполиграф», 2016

* * *

Посвящается 110-летию создания подводного флота России

Предисловие

Хотя с момента окончания Великой Отечественной войны минуло уже более семи десятилетий, интерес к ее событиям в современном российском обществе по-прежнему не ослабевает. Тому есть множество причин, и одна из них – крайне затянувшийся процесс установления исторической правды об этом крупнейшем в истории России в XX веке событии. До сих пор всплывают события и имена из того далекого времени, которые ранее по тем или иным причинам не получили широкой известности, а зачастую и заслуженного почитания со стороны потомков. В эпоху советской власти пропаганда тех или иных, в ряде случаев даже вымышленных, подвигов определялась политической целесообразностью и решением соответствующих партийных и государственных органов. После 1991 года наблюдался обратный процесс, когда для того, чтобы прослыть настоящим героем, нужно было обязательно иметь репутацию обиженного советской властью. Но на самом деле в 1941 году на защиту Родины поднимались обычные люди, граждане нашей многонациональной страны, совершенно не задумывавшиеся над тем, как впоследствии будут подаваться их деяния. Попадая в ряды вооруженных сил, подавляющее большинство из них старалось честно выполнить свой воинский долг, вне зависимости от отношений с властью.

В полной мере это относилось и к советским подводникам. В годы Великой Отечественной войны они потопили и повредили 185 кораблей и судов. Цена победы оказалась велика – 96 подводных лодок и более 3,5 тысячи подводников погибли.

Главной фигурой на любом подводном корабле всегда был командир. В годы войны в составе трех воевавших флотов (Северный, Балтийский, Черноморский) действовало 190 подводных лодок, которыми за указанный период командовало 268 командиров. 208 человек из их числа совершили по одному и более боевому походу, но лишь 137 выходили в торпедные или артиллерийские атаки. Реальных успехов добились только семьдесят девять из них. 45 командиров добивались успехов два и более раза. 105 командиров при различных обстоятельствах погибли или умерли непосредственно в годы войны, еще двое попали во вражеский плен, но смогли его пережить.

Даже эти лежащие на поверхности цифры передают огромный драматизм той схватки, которая велась под водой с 1941 по 1945 год. Естественно, в этой борьбе были свои достижения и свои герои. Причем по целому ряду причин имена настоящих героев стало возможным назвать лишь в наше время, когда, с одной стороны, спали идеологические оковы, с другой – стали доступны документы архивов, в том числе и зарубежных. В ходе углубленного изучения темы кристаллизовался список из десяти имен, кои, с нашей точки зрения, являются наиболее заслуженными командирами советских подводных лодок Великой Отечественной войны. Часть из них была удостоена звания Герой Советского Союза еще тогда, другая часть стала известна только сейчас, благодаря изучению архивных документов. Общее, что их объединяет, – практически полная неизвестность в современном российском обществе. Данная работа в первую очередь направлена на ликвидацию этой несправедливости, пропаганду подвигов этих людей и правдивый рассказ о том далеком героическом и трагическом времени.

Возможно, у кого-то возникнет вопрос, почему в книге отсутствуют имена двух наиболее распропагандированных командиров субмарин военной поры – Александра Маринеско и Николая Лунина. Это объясняется двумя причинами. Первая заключается в том, что, с нашей точки зрения, по своим реальным достижениям, с учетом различных обстоятельств, в том числе количества реальных побед, сложности обстановки, в которой они были одержаны, значимости потерь этих судов для противника, успехи Маринеско и Лунина уступали успехам героев настоящей книги. Во-вторых, Маринеско посвящена отдельная

работа, вышедшая в издательстве «Центрполиграф» в начале 2015 года¹. Работу, посвященную Н. А. Лунину, а точнее, его атаке на германский линкор «Тирпиц», предполагается сдать в одно из российских издательств до конца 2016 года.

Настоящая книга рассчитана не только на специалистов, но и на широкие круги общественности, интересующиеся правдой о Великой Отечественной войне и о людях, которые ковали победу непосредственно на фронте. При ее подготовке использована не только мемуарная и прочая общедоступная литература, но главным образом материалы отечественных архивов, в том числе личные дела, политдокументы и некоторые документы военной контрразведки. Подробности боев с силами противника, результаты атак и минных постановок даются на основе материалов германских, финских и румынских архивов. Именно детальное знакомство с документами противной стороны позволило сформировать список наиболее результативных наших командиров, жизнеописания которых мы и предлагаем вашему вниманию в настоящей работе.

Наши отцы и деды оставили нам в наследство Великую Победу, поэтому наш долг – сохранить память о ней и о них!

*Морозов Мирослав Эдуардович полковник, кандидат исторических наук
Москва, май 2016 г.*

¹ Морозов М. Э., Свисюк А. Г., Иващенко В. Н. Подводник № 1 Александр Маринеско. Документальный портрет. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2015.

Михаил Петрович Августинovich

Все дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны, все труднее нам представить людей, быт и технику той эпохи. Не стоял на месте в послевоенное время и военнотехнический прогресс в отношении подводных лодок. Современные субмарины обладают огромными боевыми возможностями и обширным арсеналом самых разнообразных средств поражения. В годы же Второй мировой войны они располагали, как правило, исключительно торпедным и артиллерийским оружием. Исключение составляли подводные лодки – минные заградители, которые в дополнение к стандартному составу вооружения могли ставить и якорные мины. Большие перспективы в использовании этого боевого средства выявились еще в Первую мировую войну. Хотя субмарины по понятным причинам не могли соревноваться с надводными кораблями и авиацией по числу выставленных мин, их наличие в составе каждого подводного флота считалось обязательным. Дело в том, что подводные минзаги могли проникать в глубинные районы вражеских вод, куда проход надводным кораблям был заказан, при этом сохраняя полную скрытность, недостижимую для авиации. Выставленные ими мины зачастую обнаруживались в самых неожиданных и, казалось бы, хорошо охраняемых местах, причем, как правило, только по факту подрыва судна. Уже из этого краткого описания вытекают два главных требования к постановкам из-под воды: ювелирная точность – выставленные в стороне от вражеского фарватера мины для противника безопасны, и абсолютная скрытность – ее потеря автоматически означает, что все мины будут вытралены, не причинив никакого вреда. С учетом этого ясно, что минная постановка предъявляет к командиру подлодки повышенные требования по сравнению с действиями в традиционном торпедно-артиллерийском варианте.

Имел в своем составе подводные минзаги и Военно-морской флот СССР. Способные и волевые командиры служили на многих из них, но изучение документов противника однозначно свидетельствует, что самым результативным постановщиком мин оказался командир североморской подлодки К-1 Михаил Петрович Августинovich. В годы войны он осуществил двенадцать боевых походов в качестве командира, причем в восьми из них ставил мины. Именно таким оказалось и число подорвавшихся на них кораблей и судов противника, и все они, за исключением одного, затонули. Таким результатом не мог похвастаться ни один из наших командиров, воевавших исключительно артиллерией и торпедами.

Михаил Петрович родился 10 ноября 1912 года в Варшаве. Его отец Петр Николаевич работал лесоводом (лесничим) в государственном лесном хозяйстве. Являясь ин валидом, он не был призван на фронт Первой мировой войны, а в связи с поражением русской армии в Польше вместе с семьей уехал в эвакуацию в Кострому. Чуть позже Августинovichи переехали в поселок Голицыно в пригороде Москвы, а с 1924 года переселились непосредственно в столицу. Отец и мать работали служащими, и семья, где кроме Миши имелась еще и дочь Татьяна, жила сравнительно неплохо. Михаил рос живым и развитым мальчиком и в 1929 году окончил семилетку. Еще будучи в школе, он активно участвовал в работе пионерской организации, а на последнем году обучения вступил в комсомол. После школы Михаил поступил в химический техникум, но в августе 1930 года, сразу после окончания первого курса, районный комитет комсомола предложил ему, как активисту и отличнику учебы, поступать в Военно-морское училище имени Фрунзе. Есть все основания считать, что Михаил и сам стремился стать военным. В то время как многие его сверстники оттягивали с поступлением в училища и военные школы до призывного возраста (в то время призывали в 21 год), он поступал, когда ему еще не исполнилось восемнадцати. Позднее эти четыре года форы дали ему возможность сделать головокружительную карьеру еще до начала Великой Отечественной войны. В 1930 же году комсомольская путевка и аттестат выпускника

столичной школы дали ему возможность без труда сдать вступительные экзамены в училище имени Фрунзе, но спустя год после начала обучения произошло событие, которое чуть было не сбило Михаила с избранного пути. Дело в том, что в 1931 году на базе ВМУ имени Фрунзе было создано новое военно-учебное заведение – Военно-морское артиллерийское училище береговой обороны имени ЛКСМУ (тогдашняя аббревиатура комсомола) в Севастополе. Часть курсантов перевели туда, и в их число вошел Августинovich. Два последующих года учебы пролетели незаметно, и в июле 1933 года Михаил выпустился из училища командиром по званию и артиллеристом по специальности. Несмотря на отсутствие знаний по устройству кораблей, и тем более подводных лодок, он, с учетом собственного желания, получил назначение на должность флагманского артиллериста отдельного дивизиона подводных лодок Северной военной флотилии.

Из простого названия должности невозможно оценить всю ответственность этого назначения. Дело в том, что предшественница могучего Северного флота – Северная военная флотилия – была сформирована только летом 1933 года из отряда кораблей Краснознаменного Балтийского флота, перешедших на Север по свежестроенному Беломорско-Балтийскому каналу. В составе флотилии имелся и отдельный дивизион подлодок типа Д (Д-1, Д-2, Д-3), или «декабристов», как их называли по собственному имени головного в серии корабля. Эти первенцы советского подводного кораблестроения вошли в строй только в 1931 году, успели отходить на Балтике всего одну кампанию и вот теперь решением правительства направлялись на Север. Альтернативы этому решению фактически не имелось – другие лодки либо только строились, либо принадлежали к постройке царских времен, совершенно непригодной к суровым условиям этого театра. «Декабристы»² же являлись сравнительно крупными для своего времени кораблями – 934 тонны надводного водоизмещения, длина 78 метров, надводная скорость – 15, подводная – 8,5 узла. Вооружение субмарин состояло из шести носовых и двух кормовых торпедных аппаратов, а также одной 102-мм пушки. Последние-то и оказались в заведовании Августинovichа. Дело в том, что в соответствии со штатом подводных лодок того времени за лодочную артиллерию отвечал командир торпедно-артиллерийской боевой части (БЧ-2-3). Свое основное внимание он, безусловно, уделял торпедам, поскольку именно они являлись главным оружием субмарин. Артиллерию же можно было использовать только в исключительно благоприятной обстановке, например против одиночного невооруженного торгового судна, да и то если оно не находилось под защитой собственных береговых батарей. Ответственным было и отношение к пушкам – как к запасному оружию, которое может и не пригодиться в боевой обстановке. Михаилу Августинovichу, который только что выпустился из училища, следовало не только организовать уход за вверенной материальной частью, но и фактически научить подводников недавно вступивших в строй субмарин стрелять. И он, надо отдать ему должное, с честью справился с этой задачей. В его аттестации по итогам первого года службы командир отдельного дивизиона Константин Грибоедов написал следующее: *«Специальность знает хорошо. Энергичен, сообразителен, дисциплинирован, опрятен. Политически развит достаточно. В общественной работе принимает активное участие... В морской обстановке вынослив. Весьма способный и инициативный командир»*³.

Но было в молодом командире и еще кое-что, что заставляло окружающих обратить на него внимание и проникнуться авторитетом, – желание быть всегда и во всем лучшим. Близкий друг Августинovichа, впоследствии контрадмирал и Герой Советского Союза, а в 1933–1934 годах – командир БЧ-2-3 подлодки Д-1 Иван Колышкин в своих мемуарах писал:

² Одна из подлодок отдельного дивизиона – Д-2 – в настоящее время сохраняется как корабль-музей – филиал ЦВММ в Санкт-Петербурге (Васильевский остров).

³ ЦВМА. Личное дело М. П. Августинovichа. Л. 12.

«В ту пору пришел служить к нам дивизионным артиллеристом выпускник Черноморского военно-морского училища береговой обороны имени ЛКСМУ Михаил Петрович Августинovich. Подводная служба увлекла его, и он начал старательно готовить себя к командирской работе, часто выходил в море, учился править ходовой вахтой»⁴. Иными словами, не имея училищной корабельной подготовки, он, чтобы не отставать от подводников, с которыми встречался ежедневно, стал осваивать морские премудрости практически, и вскоре в этом весьма преуспел. А ведь многие, даже выпускники училища Фрунзе, откровенно тяготились службой на субмаринах, тем более в условиях Севера. Помимо постоянно действовавших факторов, как то периоды полярных дней и ночей, постоянный холод, сильные ветры и волнение, жизнь подводников значительно осложнялась тем, что формирование флотилии происходило фактически на голом месте, при отсутствии специальной базы и жилой инфраструктуры. На протяжении двух лет лодки дивизиона базировались на мурманский торговый порт, а при совершении учебных походов экипажи жили на пароходе «Умба», который при формировании флотилии спешно переименовали в плавбазу. Если лодка выходила в продолжительный учебный поход одна, а такое регулярно практиковалось, то ее экипаж даже при стоянке у берега жил на борту. Это было весьма сомнительным удовольствием – на субмарине не имелось никаких обогревательных приборов, кроме разве что нагревавшихся за время движения в надводном положении дизелей. Молодой флагарт (принятое на флоте сокращение должности флагманского артиллериста) охотно участвовал в ближних и дальних походах, оказывая практическую помощь командирам боевых частей, и одновременно осваивал премудрости подводного дела. Он очень редко бывал в Мурманске и еще реже сходил на берег, как говорят моряки про увольнение в город. Не случайно первая жена Михаила Петровича – Зинаида Александровна (дочь капитана Совторгфлота) – не захотела переезжать к месту службы мужа и осталась в родном Архангельске, что в конечном итоге предопределило их разрыв.

В первые годы службы окончательно сформировались и остальные черты характера Михаила Петровича. Огромный жизненный оптимизм, энергия и амбициозность прекрасно сочетались у него с наблюдательностью, сообразительностью и усидчивостью при изучении незнакомого дела. В вопросах служебных отношений он был выдержан и тактичен, никогда не конфликтовал с начальством, вне службы много общался с друзьями, отличался веселостью и хорошо развитым чувством юмора. В аттестациях за ним регулярно отмечались всего два более или менее стабильно проявлявшихся недостатка: некоторая поспешность при принятии решений в сложной обстановке, что объяснялось горячностью и чрезмерной иногда энергией, и недостаточная требовательность к подчиненным, в первую очередь к сверстникам, с которыми Августинovich водил дружеские отношения. Впрочем, со временем оба эти недостатка отпали сами собой.

Весь 1934 год Михаил Петрович проплавал на подлодках дивизиона. То же повторилось и в 1935 году. Походы «декабристов» становились все более дальними и продолжительными. Так, в 1934-м Д-1 и Д-2 впервые в истории советского подводного флота совершили плавание к берегам Новой Земли. В следующем году Д-1 уже на протяжении нескольких дней базировалась на губу Белушья на этом архипелаге, откуда выходила на отработку учебных задач. Личный состав дивизиона быстро осваивал северные широты и искусство эксплуатации своей боевой техники. Одним из передовиков в этом деле был Августинovich. Командование обратило внимание на старания молодого артиллериста и не стало возражать против его желания стать настоящим командиром-подводником. Напротив, в конце 1935-го оно направило его на учебу в Ленинград, в командирский класс Учебного отряда подводного плавания. О том, как он зарекомендовал себя там, лучше всего скажет текст выпускной атте-

⁴ Кольшикин И. А. В глубинах полярных морей. М., 1970. С. 101.

станции: *«Способности хорошие. Сообразителен. Общее развитие хорошее. Добился отличных результатов в учебе. Дисциплинирован. Требователен. Политически развит хорошо. Волевыми качествами командира-подводника обладает. В общественной работе активен. Может быть назначен на должность помощника командира»*⁵. Другой бы воспользовался такой блестящей аттестацией и выбрал бы службу на «курортном» Черноморском флоте, но Михаил Петрович и не видел другой перспективы, как возвращение для совместной службы со старыми друзьями на Север. Так в августе 1936 года он стал помощником командира Д-3. Это оказалось весьма своевременным – субмарины отдельного дивизиона как раз собирались совершить очередной дальний поход.

14 августа все три подлодки вышли из Архангельска и взяли курс на Новую Землю. В походе принял участие командующий флотилией флагман первого ранга Константин Душенов. Правда, в Баренцевом море на лодке Августиновича возникла неисправность, и ей пришлось ненадолго зайти в Полярный (с конца 1935 года – главная база флотилии, а затем Северного флота). Тем временем Д-1 и Д-2 дошли до Новой Земли, прошли через пролив Маточкин Шар и впервые в истории советского подводного флота вошли в воды Карского моря. Далее лодки проследовали вдоль восточного побережья Новой Земли, но встретили ледяные поля и вынуждены были возвратиться назад. В Баренцевом море обе подлодки совершили продолжительное плавание вдоль западного побережья архипелага. 2 сентября Д-1, пройдя за поход 3094 мили, вернулась в Полярный, а Д-2, встретившись у берегов полуострова Рыбачий с Д-3, направилась по маршруту мыс Нордкап – остров Медвежий – Шпицбергенская банка – мыс Нордкап, откуда Д-2 12 сентября проследовала к Лофотенским островам. Д-3 тем временем занималась боевой подготовкой у берегов Рыбачьего. В Полярный обе лодки вернулись 26 сентября. За время похода Д-2 прошла 5803 мили в надводном и 501 милю в подводном положении, а Д-3 – в общей сложности 3673,7 мили. Это был один из «стахановских» рекордов своего времени, которым страна гордилась в такой же степени, как полетами Чкалова.

Весной 1937 года появилась возможность усилить подводные силы флотилии еще одним дивизионом подлодок, на этот раз «щук». В феврале 1938 года два отдельных дивизиона объединили в бригаду. Чтобы усилить экипажи не приспособленных к условиям Севера балтийцев местными кадрами, командование назначает в состав их экипажей несколько наиболее опытных «северян». В их числе и лейтенант Августинович, который становится помощником командира Щ-401. В этой должности ему предстояло пробыть всего несколько месяцев... Шел печально известный 1937 год, который оставил на теле Северного флота (флотилию преобразовали во флот в мае 1937 года) необычайно глубокие следы. Были арестованы и погибли в результате репрессий первый командующий флотом Константин Душенов, первый командир бригады Константин Грибоедов и многие другие, в число которых вошел командир Щ-401 Иван Немченко (его судьба неизвестна и по сей день). В октябре 1937 года Августинович стал командиром «щуки». У тех, кто уцелел после нескольких серий арестов, был неизбежен бурный кадровый рост. В результате уже в июне 1938 года Михаил Петрович стал командиром Д-1, а в октябре 1939 года – командиром дивизиона «декабристов».

Но не следует думать, что в период этой кадровой свистопляски командиры целыми днями ничего не делали, а только сидели и с дрожью ждали, когда за ними придут сотрудники НКВД. Настоящие командиры, а к ним относился и Михаил Августинович, по-прежнему совершенствовали теоретические и практические знания – свои и вверенных им экипажей. Уже на третьем месяце своего командования «декабристом» он ушел в плавание, которое стало новым рекордом своего времени.

⁵ ЦВМА. Личное дело М. П. Августиновича. Л. 12.

21 сентября субмарина вышла из Полярного в 44-суточный автономный поход по маршруту мыс Цып-Наволоки – Нордкап – остров Медвежий – остров Надежды – Новая Земля – остров Колгуев – Кольский залив общей протяженностью в 5842 мили. Отличием этого похода от предыдущих, где лодки практически все время находились в надводном положении, являлось то, что теперь имитировались настоящие условия боевой деятельности, где плавать придется в основном под водой. В общей сложности субмарина находилась в подводном положении 11 суток и прошла при этом 1001 милю, причем 31 октября она 24 часа непрерывно шла под водой без задействования средств регенерации воздуха. Всего за 1938 год Д-1 провела в море 120 суток, пройдя более 10 тысяч миль, из них 1200 под водой. В аттестации по итогам года предыдущий командир Д-1 а теперь командир дивизиона Вячеслав Карпунин не без ревности писал:

«Тов. Августинovich М. П. из служащих, кандидат ВКП(б) с 1938 года.

В должности командира ПЛ Д-1 с июня 1938 г., до этого командовал ПЛ типа «Щ» в течение 9-ти месяцев. В текущей кампании приобрел соответствующие практические знания по организации, управлению и использованию оружия с ПЛ. Хорошо провел 45-суточное автономное плавание в условиях Севера, получил большой опыт в управлении кораблем в подводном положении. Лодка под его командованием заняла второе место на бригаде по боевой подготовке... Волевой и энергичный командир, но иногда излишне горяч. В море вынослив. В морской обстановке ориентируется. Твердыми знаниями по кораблевождению еще не обладает (кончил училище бер. обороны), но много работает над собой. Дисциплинирован, авторитетом среди личного состава пользуется. Политически развит. Тактическая подготовка удовлетворительная. Вывод: должности соответствует. Достоин присвоения военного звания «капитан-лейтенант». Необходимо повышение тактических знаний, вопросов кораблевождения»⁶. Примерно таким же было и содержание аттестации за 1939 год, но в выводах уже говорилось о том, что Августинovich «по своей подготовке и организационным способностям может быть выдвинут командиром дивизиона подлодок типа «Д» (Карпунин в том же году поступил в Военно-морскую академию). Назначение состоялось в октябре 1939 года, за месяц до начала войны с Финляндией.

Несмотря на то что боевые действия с финнами на северном театре продолжались всего два дня – уже 1 декабря наши войска заняли Петсамо – единственный финский порт на побережье Баренцева моря, – боевые походы североморских подлодок⁷ продолжались вплоть до заключения перемирия в марте 1940 года. Наше командование опасалось вмешательства в войну западных «демократий», которые неоднократно заявляли о поддержке Финляндии и посылали туда своих добровольцев и оружие. Субмарины СФ развешивались вдоль побережья Северной Норвегии, примерно на тех же позициях, на которых им предстояло затем действовать на протяжении четырех лет Великой Отечественной. Командиры и экипажи лодок получили прекрасную морскую практику, освоились с условиями районов боевой деятельности. Михаил Петрович дважды выходил в боевые походы в качестве старшего на борту Д-1 (две другие подлодки дивизиона находились на ремонте в Ленинграде) и вводил в строй молодого командира «декабриста» Федора Ельищева.

После окончания войны бригада подлодок снова вернулась к боевой учебе, результаты которой, впрочем, оценивались высшими инстанциями как не слишком успешные. Из-за напряжения в ходе войны, вскоре после заключения мира многие подлодки стали в ремонт, из-за чего редко выходили в море и выполнили мало практических торпедных стрельб. Кроме того, в качестве одного из основных недостатков называлась слабая отработка штаба бригады как органа боевого управления из-за частой смены начальников штабов. В октябре

⁶ ЦВМА. Личное дело М. П. Августинovichа. Л. 14.

⁷ С лета 1939 года бригада состояла уже из четырех дивизионов ПЛ.

того же года командование Северного флота решило положить этому конец, назначив на должность постоянного начальника штаба, обладавшего знанием театра и служивших здесь людей, – Августиновича. При этом стоит отметить, что на день назначения ему еще не исполнилось 28 полных лет! Весьма вероятно, что это назначение спасло ему жизнь – 13 ноября при пробном погружении после ремонта единственная лодка его бывшего дивизиона Д-1 стала жертвой катастрофы и погибла со всем экипажем. Хотя разбирательство установило, что наиболее вероятной причиной гибели являлся дефект конструкции субмарины, в ходе его были вскрыты многочисленные нарушения в организации боевой подготовки со стороны командира бригады Павлуцкого. Вскоре он был снят. Новым комбригом стал Николай Виноградов, до того являвшийся командиром бригад «малюток» на Балтике и на Севере никогда ранее не служивший. В лице начальника штаба он нашел исполнительного и инициативного командира, которого оценил очень высоко.

«Штаб бригады, – писал Виноградов в своих мемуарах, – к счастью, составляли люди совсем иного склада. Не бездумные механические исполнители, а люди большей частью творческие, ищущие. Безусловно, разные по характеру, но зато все, как один, влюбленные в свою специальность, в лодки, в нашу бригаду.

Особая заслуга тут принадлежала капитану 3-го ранга М. П. Августиновичу, который был начальником штаба в предвоенную пору. Именно он сумел сколотить хороший, дееспособный штабной коллектив, настроил его работу на камертон деловитости и добросовестности. Энергичный, живой, подвижный, деятельный, Августинович, отличаясь превосходным знанием северного морского театра, корабельного состава, был толковым распорядителем и организатором, моей надежной опорой во всех делах»⁸.

И действительно, за те девять месяцев, которые Михаил Петрович возглавлял штаб, он успел сделать очень многое. В другом месте своих мемуаров Виноградов с благодарностью вспоминает, что штабными работниками на случай войны и максимально приближенных к ней учений «были заблаговременно разработаны необходимые учебно-боевые документы: боевой приказ, боевая инструкция, примерные схемы районов боевого патрулирования и маршрутов переходов лодок к ним»⁹. Все это весьма пригодились с началом военных действий. Комбриг был буквально в восторге от своего начштаба. «Служить бы нам с ним да служить. Но так случилось, что с Михаилом Петровичем мне пришлось расстаться буквально в первые же дни войны»¹⁰. Что же такое произошло? Ответ на этот вопрос прост, но в то же время до крайности необычен: с началом войны Августинович написал рапорт с просьбой вновь назначить его командиром подводной лодки!

Благодаря художественной литературе и мемуарам мы хорошо знаем, какой эмоциональный всплеск у наших людей вызвало известие о вероломном нападении фашистской Германии. Многие в первые недели войны писали заявления с просьбой зачислить их в ряды Красной армии или народного ополчения. В войсках, дислоцировавшихся в Средней Азии и на Дальнем Востоке, военнотружущие писали рапорта с просьбой направить их в действующую армию. Многим такие рапорта удовлетворяли, и они шли воевать на равнозначных должностях или даже получали повышения, если попадали во вновь формируемые соединения. Примерно аналогичные вещи происходили и внутри действующих флотов, когда речь заходила о формировании частей морской пехоты из тыловых подразделений. В то же время практически неизвестно случаев, чтобы кто-то из командиров руководящего звена просился бы на фронт на должность, опускающую его на две ступени вниз, чтобы лично принять участие в боевых действиях. Как говорится, «плох тот солдат, который не мечтает стать генера-

⁸ Виноградов Н. И. Подводный фронт. М., 1989. С. 33.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 33.

лом», и потому военнослужащие крайне неохотно и болезненно воспринимают любые понижения в служебном положении. А тут сам и добровольно. Тем более если он и так служит в составе воюющего флота и никто и никогда не упрекнул бы его в том, что он не воевал, пусть даже и сидя в береговом штабе. Жизнь дается человеку только один раз, и шансов уцелеть в штабе намного больше, чем на боевой подлодке. Какой же силой характера и уверенностью в себе следовало обладать, как же надо было любить Родину, чтобы принять такое решение, не имевшее аналогов в нашем подводном флоте в годы войны?!

Собственно, и само желание у Михаила Петровича, и возможность его осуществить возникли не на голом месте. Вот что писал по этому поводу Н. И. Виноградов:

«Произошло так, что одна из больших подводных лодок – К-1 – осталась без командира. Капитан 3-го ранга К. А. Чекин, возглавлявший ее, внезапно заболел. На смену ему назначили было опытного подводника капитана 3-го ранга И. А. Смирнова, служившего до того в отделе боевой подготовки штаба флота. Он принял командование. Но при первом же серьезном испытании – внезапном налете вражеской авиации на одну из бухт, где стояла К-1, – у Смирнова сдали нервы, и стало ясно, что вынести тяжелой боевой нагрузки он не сможет.

Вновь «катюша» оказалась без командира. И тогда-то предложил свою кандидатуру на эту должность Августинovich. Для меня его решение было крайне неожиданным, и поначалу я наотрез отказал ему. Но Михаил Петрович настаивал и в конце концов покорил-таки меня своей беззаветностью и своим бескорытием. Ведь он просился не куда-нибудь – на лодку, где создалось трудное положение. Добавлю к этому, что в интересах дела он шел фактически на двойное понижение в должности.

Да, такое уж наступило время: каждому теперь не о должностях, не о личных удобствах надо было думать. В общем, пришел я к тому, что стремление Августинovichа надо решительно поддержать. Без начальника штаба (а надеяться, что нового подберут быстро, не приходилось) на меня ложилась дополнительная нагрузка, но зато я твердо знал, что на К-1 будет командир, на которого всегда и во всем можно положиться. Вместе с Августинovichем мы убедили А. Г. Головки (командующий СФ. – М. М.) в необходимости данного назначения, и оно состоялось»¹¹.

Так Михаил Петрович стал командиром одной из новейших крейсерских подводных лодок.

Подлодки типа К, или, как их называли на флоте, «катюши», стали самыми крупными советскими субмаринами, принявшими участие в Великой Отечественной войне. Они проектировались в середине 1930-х годов для взаимодействия с эскадрами крупных надводных кораблей и дальнего крейсерства на коммуникациях противника. Таким образом, изначально в проект закладывалась значительная универсальность, одним из проявлений которой стало оснащение этих подлодок устройством для постановки мин. При надводном водоизмещении в 1500 тонн лодки этого проекта имели длину 98 метров, скорость 22,5 узла в надводном и девять в подводном положении, автономность до 50 суток. Их вооружение состояло из 10 торпедных аппаратов (шести в носу и четырех в корме), двух 100-мм и двух 45-мм пушек и 20 якорных мин. По штату экипаж состоял из 65 человек, в том числе десять комсостава. По меркам того времени это была самая большая и комфортабельная лодка – на ней даже имелась душевая кабина!¹²

К-1 была построена в Ленинграде и вступила в строй в декабре 1939 года. Фактически сразу после того, как в 1940 году Финский залив и Беломорско-Балтийский канал очистили

¹¹ Виноградов Н. И. Указ. соч. С. 33–34.

¹² До настоящего времени одна из «катюш» сохраняется в качестве корабля-музея – филиала музея Северного флота. Это К-21, стоящая в Североморске.

лись ото льда, была начата подготовка к ее переходу на Север. Он состоялся в июле, после чего экипаж до октября занимался боевой подготовкой, а параллельно – устранением «детских болезней», без которых никогда не обходился ни один головной корабль серии. После катастрофы Д-1 вся боевая учеба на бригаде замерла, а с декабря корабль начал гарантийный ремонт с участием специалистов с завода-строителя. Поставки необходимых запасных частей и оборудования осуществлялись так медленно, что субмарина не успела закончить технического обслуживания до начала войны. Еще хуже было то, что ее экипаж так и не успел за время непродолжительной боевой подготовки стать экипажем в полном смысле своего слова. Многие моряки знали технику своего корабля еще достаточно слабо, и практически ни у кого не имелось отработанных до автоматизма навыков. А ведь без этого на настоящей войне очень сложно одерживать победы, да и вообще уцелеть. Не мог знать матчасти и только что назначенный командиром Августинovich. И хуже всего было то, что времени на раскачку практически не оставалось – командование спешило послать подводный крейсер в дальний поход.

Приказ о назначении Михаила Петровича состоялся 14 июля 1941 года, а уже 1 августа «катюша» вышла в море. Как и в мирные годы, первое ее плавание состоялось к берегам Новой Земли. Его целью, помимо отработки у членов экипажа морских качеств, являлась защита местного судоходства от немецких кораблей, которые перед этим совершили два рейда на наши коммуникации у побережья Кольского полуострова. Поход продолжался недолго и вряд ли относился к категории удачных. Утром 9 августа при очередном погружении оказались заклинены носовые горизонтальные рули подлодки, и она с большим дифферентом на глубине 60 метров ударилась носовой частью о грунт. От этого получили повреждения и перестали открываться крышки носовых торпедных аппаратов, в результате чего лодка лишилась возможности использовать более половины своего торпедного вооружения. Пришлось возвращаться в базу. Как оказалось, причиной аварии стал отставший от корпуса и упершийся в рули лист обшивки – излишне облегченная конструкция «катюш» не была рассчитана на постоянное плавание в суровых северных водах.

Следующей ступенью оморачивания молодого экипажа стал поход с 28 августа по 25 сентября 1941 года на самую удаленную позицию у норвежского побережья, в район порта Нарвик. Переход туда оказался нелегким, но еще большие испытания ждали моряков на позиции. Из 19 суток нахождения там в течение тринадцати поиск судов противника был невозможен из-за густого тумана или штормовой погоды. При первом же 8-балльном шторме была повреждена муфта переключения привода носовых горизонтальных рулей, из-за чего рули вышли из строя до конца похода. Сорвало семь съемных листов на палубе надстройки и несколько листов обшивки у левого пера кормовых горизонтальных рулей. В ночь на 21 сентября при осуществлении работ на палубе волной был смыт за борт боцман мичман Клементьев. Падение за борт в ледяных северных водах, да еще и в ночное время, на 99 % означает гибель. Много зависит от того, насколько оперативно будут приняты меры по спасению, ведь любая лишняя минута, проведенная в холодной воде, может привести к остановке сердца. Но командир субмарины не растерялся, принял необходимые меры, и уже спустя 12 минут боцман вновь стоял на палубе и принимал поздравления со «вторым рождением»!

Несмотря на постоянно возникавшие сложности, Михаил Петрович при каждом удобном случае пытался подойти к вражескому берегу и обнаружить достойную атаки цель. Это оказалось весьма непросто. Дело в том, что западный участок вражеской коммуникации был защищен со стороны моря многочисленными шхерами. Шхерами называют небольшие скалистые острова у такого же скалистого и изрезанного берега. Мореплаватели стараются избегать плавания в шхерных районах, поскольку любая ошибка в кораблевождении может привести к посадке на мель или столкновению со скалой, что обычно имеет для судна самые неблагоприятные последствия. Исключением здесь не являются и подводные лодки.

Их плавание в подводном положении в шхерном районе в период полярного дня осложнялось еще и тем, что командиру приходилось тщательно рассчитывать ресурс работы аккумуляторной батареи, заряда которой должно было хватить и на подход к шхерам, и проход между ними, поиск противника на внутреннем фарватере и отход в море. К этому необходимо добавить то, что в начале войны мы совершенно не обладали разведанными относительно того, как немцы охраняют норвежские берега, где у них развернуты посты наблюдения, береговые батареи и т. д. В этих условиях командирам приходилось считать, что наблюдательный пункт может находиться на любом острове и мысе, что вынуждало предпринимать излишние меры предосторожности. В результате Августиновичу не удалось ни разу выйти в торпедную атаку на корабли противника, хотя он несколько раз и наблюдал их с больших дистанций. В своих выводах после похода он писал: *«Считаю, что район № 1 с его внутренними шхерными фарватерами является чрезвычайно затрудненным для действий такой большой подводной лодки, как К. Крайняя стесненность маневра, постоянная опасность оказаться на банках, сильное течение в узких рукавах фиордов чрезвычайно затрудняет и зачастую делает невозможным торпедную или артиллерийскую атаку»*¹³. В то же время в этом походе К-1 прошла 4123 мили, а ее экипаж приобрел необходимую морскую выучку, и ему стали доверять еще более ответственные задания.

Таким заданием стала постановка мин, для чего К-1 вышла в море 21 октября. Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что само минное устройство «катюш» отличалось большой оригинальностью. Обычно подводные лодки ставят мины из специальных горизонтальных труб или вертикальных шахт. Там мины плотно прилегли к стенкам с направляющими и перемещались только при постановке при помощи тросовой системы или под воздействием собственного веса. На подлодках типа К все было иначе: мины хранились в специальной минно-балластной цистерне, которая находилась прямо под центральным постом. Там они стенок не касались, а просто стояли на рельсах до момента начала постановки. Когда постановка начиналась, они перемещались по рельсам при помощи тросового механизма до сделанного в днище цистерны люка, через который выпадали под действием собственного веса. Теоретически такая система сулила заметную экономию в весе и объеме, но на практике все оказалось не так просто. Раньше мы уже писали, что первый же поход показал, что, несмотря на свои размеры, «катюша» не обладала достаточной прочностью для плаваний в условиях Севера. Это в полной мере относилось и к минному устройству, которое до войны даже не успело пройти всех необходимых испытаний. Впрочем, все это выявилось далеко не сразу. Сами мины имели специальную конструкцию и нигде, за исключением «катюш», не использовались. Промышленность только разворачивала их выпуск, в связи с чем на момент начала войны ни одной мины этого типа на складах Северного флота не имелось. Именно поэтому на свою первую постановку «катюша» вышла только в октябре. Впрочем, главные сюрпризы ждали ее экипаж впереди.

Лодка прибыла на позицию вечером 22-го, но не смогла немедленно приступить к постановке из-за густых снежных зарядов, снижавших видимость временами до полного нуля. Норвежский берег не наблюдался, а раз так, то штурман К-1 не мог уточнить своего места, и первое из главных требований к постановке – точность – не могла быть достигнута. А ведь лодке вновь предстояло проникнуть на шхерный фарватер и поставить мины между берегом и островами – таким способом командование Северного флота пыталось заставить суда противника ходить открытыми морскими путями, где их поджидали торпедные подводные лодки. Ожидая хорошую погоду, «катюша» дождалась шторма – вечером 23-го волнение усилилось до шести, а затем до 9–10 баллов по 12-балльной шкале Бофорта. В таком состоянии море находилось в течение трех дней. Жуткая четырехдневная болтанка страшно

¹³ ОЦВМА. Ф. 112. Д. 1497. Л. 141.

вымотала экипаж. К тому же начались поломки – из-за крена, доходившего до 53 градусов (!!!), из аккумуляторных батарей неоднократно выливался электролит, нарушилась их изоляция и произошла серия коротких замыканий. Лопнули сварные швы находившейся внутри прочного корпуса топливной цистерны, и 200 кг соляра затопили артиллерийский погреб и одну из аккумуляторных ям. Пока моряки устраняли все эти поломки, в минно-балластной цистерне временами слышались сильные стуки. Вечером 26-го шторм начал утихать, а утром 28-го появилась возможность уточнить свое местонахождение. Августинovich сразу же погрузился и направился в район, где ему следовало произвести постановку мин. Прибыв в точно назначенное место, «катюша» начала ставить мины. Пять первых вышли хорошо, но дальше произошло непредвиденное: одновременно застряли мины в люках левого и правого борта (впоследствии они самопроизвольно выпали в случайном месте), кроме того, в минном устройстве левого борта оборвалась лебедка. Постановку пришлось прервать и уйти в море для осмотра. В ночь на 29-е минно-балластная цистерна была вскрыта и морякам удалось увидеть результаты трехдневного безумства морской стихии. *«Большинство мин, как левого, так и правого борта, – писал Августинovich в своем боевом донесении, – вследствие перенесенного шторма соскочили с рельс, развернулись и своими роликами стояли прямо на дне цистерны»*¹⁴. С большим трудом экипажу удалось вручную установить мины правого борта на рельсы, а левого борта – разоружить и примотать тросами. Следует подчеркнуть, что проникнуть внутрь минно-балластной цистерны можно было только через расположенные на палубе погрузочные люки. После того как команда минеров спустилась туда, люки пришлось задраить – без этого в случае возникновения опасности субмарина не смогла бы погрузиться. Минеры знали, что в критической ситуации лодка уйдет под воду, минно-балластная цистерна заполнится, а они погибнут, и тем не менее смело пошли на задание. Шесть с половиной часов ждал Августинovich, когда неполадки в минном устройстве будут устранены. К счастью, враг за это время не обнаружил субмарины.

После завершения работ в распоряжении командира осталось только восемь мин правого борта, которые он должен был выставить в другом районе. Это было осуществлено днем 29 октября. Командир считал, что постановка прошла без сучка и задоринки, но на самом деле последняя мина была найдена после возвращения в базу застрявшей в люке. В последующие дни вплоть до отъезда в базу Августинovich пытался действовать на шхерном фарватере, но новый шторм и снежная буря свели все его усилия на нет. Тем не менее командование не посчитало поход К-1 совсем уж неудачным. По донесению самого Михаила Петровича вечером 29-го в направлении места второй постановки он наблюдал сильный взрыв и последующий полуторачасовой пожар на воде, что предположительно означало гибель на mine вражеского танкера. Тем не менее в немецких документах никаких сведений о взрывах и тем более гибели судов в эти сутки нет. И все-таки постановка «катюши» не осталась безрезультатной. На первой из двух выставленных банок днем 8 ноября подорвался германский пароход «Флоттбек», шедший в составе конвоя в норвежский порт Киркенес, откуда осуществлялось снабжение войск немецкого горнострелкового корпуса, действовавших на мурманском направлении. О гибели судна советскому командованию стало известно спустя две недели, после того как одна из британских подводных лодок, временно действовавших в составе Северного флота, привезла в Полярный захваченного в море капитана норвежского судна, давшего много полезных сведений об организации немецких перевозок и потерях, нанесенных им подлодками Северного флота. Главным же результатом похода стало то, что экипаж поверил в своего командира, понял, что с ним он придет к новым победам. После того как Михаил Петрович днем 29 октября дал большей части команды посмотреть в перископ на разыгравшийся в море пожар, среди краснофлотцев пошли такие разговоры: *«Вот*

¹⁴ ОЦВМА. Ф. 112. Д. 1497. Л. 220.

*теперь и мы имеем боевой успех. Теперь надо топить фашистские корабли торпедами»*¹⁵. В экипаже выросла дисциплина, некоторые краснофлотцы, списанные на берег Августиновичем за дисциплинарные проступки, теперь обещали исправиться и умоляли командира взять их назад.

И все-таки нашлись и такие, кто считал, что командир К-1 ведет себя в море недостаточно активно и избегает настоящего боя с врагом. Служили они в политотделе бригады подводных лодок и считали своим долгом всячески «взбадривать» подводников, чтобы те докладывали о все новых и новых победах. А успехи бригады к тому времени казались весьма солидными. До конца 1941 года подлодки Северного флота, совершенно не понеся потерь, доложили о 52 торпедных и артиллерийских атаках, тридцать три из которых считались успешными (после войны по документам противника подтвердился успех только пяти из них). Военный совет флота возбудил ходатайство о преобразовании бригады в гвардейскую, на нескольких командиров были написаны представления к награждению званиями Героев Советского Союза. По заявкам подавляющее большинство командиров имело на своем счету потопленные торпедами или артиллерией корабли, а тем, кто таких побед не имел, политотдел бригады объявил настоящую войну. Августинович в категорию неудачников вроде бы не попадал, но и победных докладов от него поступало не так много, как хотелось бы. Перед октябрьским походом на подлодке поменяли комиссара, но и новый политработник не узрел в действиях Михаила Петровича ничего неправильного, за что после возвращения получил упрек в пассивности и малой компетентности в подводных делах. Доказывать свою храбрость командиру К-1 предстояло в новом походе.

«Катюша» вышла в море 14 декабря на этот раз с задачей нарушать коммуникации немцев на участке между норвежскими портами Тромсё и Хаммерфест. В минное устройство был загружен полный запас мин, который ей надлежало выставить небольшими группами – банками – в различных местах вражеской коммуникации. С этого и начали. Вечером 16-го субмарина приблизилась к норвежскому берегу и приступила к постановкам. Полярная ночь была в разгаре, и командир решил ставить мины из надводного положения. Несмотря на активное плавание в районе большого количества норвежских рыболовных мотоботов, которые могли обнаружить лодку и сообщить об этом немцам, подводный крейсер проник в глубину Ульфс-фьорда и начал ставить мины. Дважды К-1 вызывали сигналами с береговых постов, но Августинович как ни в чем не бывало проходил мимо, оставляя вражеских наблюдателей в недоумении – а не померещился ли им в ночной мгле темный корпус неизвестного судна. Ведь русские корабли никогда не пытались проникнуть в глубь шхерного района. Выставив три минные банки, Михаил Петрович решил пополнить заряд аккумуляторных батарей. «Катюша» стала под скалой у берега, укрытая падающей тенью, и приступила к зарядке. Здесь она, казалось, надежно укрыта от глаз противника. Но, как назло, пошел снегопад, и очень скоро корпус подлодки начал напоминать плавающий айсберг, резко контрастировавший на фоне темной скалы. Субмарину могли в любой момент заметить с берега и обстрелять. Чтобы избежать этого, Августинович приказал выслать на верхнюю палубу матросов с метелками, которые сметали снег за борт. Увидев, что командир вместо срочного погружения продолжает как ни в чем не бывало заряжать батарею, комиссар схватился за сердце и ушел с мостика внутрь лодки. Лично для него все подозрения в трусости Михаила Петровича развеялись как дым. С наступлением сумерек, означавших полярный рассвет, К-1 погрузилась и выставила две оставшиеся банки. Но и после этого командир не стал выходить из шхерного района, желая понаблюдать за минными полями. Впрочем, противолодочная оборона противника в этом районе оказалась не такой слабой, как это могло показаться первоначально.

¹⁵ ОЦВМА. Ф. 112. Д. 19191. Л. 403.

Утром 18 декабря, когда лодка шла в надводном положении, прямо по курсу был замечен одиночный буксир. Михаил Петрович объявил боевую тревогу и начал сближаться с целью для торпедной атаки. Внезапно, когда дистанция до судна еще составляла полторы мили, буксир открыл огонь по подлодке из автоматической пушки. В этой ситуации рассчитывать на успех торпедной атаки не приходилось, и Августинович счел за благо уклониться погружением. Дальнейшие события показали, что это решение оказалось единственно правильным. На самом деле принятым за буксир кораблем оказался немецкий охотник за подводными лодками Uj-1214, шедший в головном охранении крупного конвоя. Немецкое командование было неприятно удивлено, узнав, что в глубине шхерного района действует советская подлодка. Для ее поиска было выделено четыре тральщика, которые искали «катюшу» на протяжении двух суток. Но знатоки подводного дела из политотдела расценили поведение командира совсем иначе. *«Вместо того, – писалось в политдонесении, – чтобы уничтожить буксир артиллерийским огнем, лодка погрузилась, тем самым уклонилась от поставленной ей задачи, не пытаясь даже использовать своих преимуществ перед противником в артиллерийском вооружении»*¹⁶. В одиночку «катюша» действительно превосходила охотник в огневой мощи, но любое попадание в нее с пробитием прочного корпуса привело бы к тому, что лодка не смогла бы погружаться и, тем самым, автоматически потеряла бы свое важнейшее преимущество. Весьма вероятно, что это привело бы ее к гибели точно так же, как полгода спустя в бою с кораблями противника погибла однотипная К-23. Тем более что к охотнику наверняка присоединились бы и остальные корабли конвоя. Будучи по специальности артиллеристом, Августинович все это учитывал, но доказать свою правоту в этом эпизоде мог разве что ценой собственной жизни. В результате преследования «катюша» оказалась вытесненной в море, где попала в шторм, продолжавшийся шесть суток. Снова все повторилось, как и в октябрьском походе, – треснули швы топливных цистерн, выплеснулся электролит, возникли многочисленные мелкие поломки и замыкания. Несмотря на это, после окончания шторма и устранения повреждений Михаил Петрович снова предпринял попытку проникнуть в шхеры, где днем 28 декабря атаковал торпедами пару немецких охотников. Несмотря на то что экипаж слышал взрывы, торпеды, к сожалению, прошли мимо. Но это не означало, что в этом походе лодка не добилась боевого успеха. Вечером 26-го на выставленном в Ульфс-фьорде заграждении погиб норвежский пароход «Конг Ринг», зафрахтованный немецким командованием для перевозки своих солдат-отпускников. После подрыва на mine судно старой постройки продержалось на воде всего несколько минут и затонуло с большей частью перевозившихся пассажиров – 257 из 269 находившихся на борту немецких солдат не пережили рождественскую ночь. С учетом тяжести понесенных противником утрат эту победу можно назвать самой значимой из всех, каких наши подлодки добились на Северном морском театре за годы войны.

Командование бригады поставило за поход Августиновичу заслуженную хорошую оценку. В его аттестации за 1941 год указывалось: *«Подводная лодка К-1 к выполнению боевых задач подготовлена хорошо. Смелыми и решительными действиями [Августинович] утопил один фашистский транспорт. Выставил три активных минных заграждения у берегов противника. Установлена гибель двух транспортов противника на минах, выставленных подводной лодкой К-1. Предан делу партии Ленина – Сталина и социалистической Родине. Политически и морально устойчив, хорошо знает свое дело, грамотный командир-подводник. Кораблем управляет хорошо. Дисциплинирован, состояние дисциплины на корабле в удовлетворительном состоянии. В начале командования кораблем требовательность к подчиненным была недостаточна, сейчас повышается. Организация службы стояла на низком уровне в начале войны (потеря плавучести, выстрел боевой тор-*

¹⁶ ОЦВМА. Ф. 112. Д. 19327. Л. 276–277.

педой у пирса), за последнее время на корабле улучшилась. Занимаемой должности соответствует. Достоин посылки на учебу в академию»¹⁷.

Но ни в какую академию Августинович поступать не стал – не для того он писал рапорт о переводе на должность командира подлодки. Вместо этого он снова пошел в море. Пятый поход «катюши» состоялся в январе – феврале 1942 года на восточный участок коммуникации в районе Тана-фьорда. И в этот раз подлодка ставила мины, но из-за неудачно выбранного в штабе Северного флота места постановка не имела успеха. Тогда решили вновь обратить внимание на западный шхерный район коммуникаций. Туда «катюша» совершила свой шестой поход в апреле 1942-го. Он стал одним из самых удачных и в полном объеме продемонстрировал командирский талант Августи новича. На подходе к месту постановки первой банки он обнаружил два тральщика, осуществлявшие контрольное траление фарватера. Пронаблюдав за ними пару часов, Михаил Петрович точно установил, где пролегают курсы вражеских кораблей, и после ухода тральщиков выставил там две группы мин.

Одиннадцатую мину заклинило в люке, но благодаря мастерству личного состава она была выброшена за борт, а минное устройство вновь введено в строй. После этого К-1 перешла в соседний район, где выставила оставшиеся девять «сюрпризов». Все три банки оказались результативными. В апреле 1942-го на одной из них погибло судно «Курцзее», в мае на другой – крупный транспорт «Асунсьон» (оба с грузом продовольствия). После этого немецкие тральщики протралили весь район, но не настолько тщательно, чтобы сделать его полностью безопасным. В феврале 1943-го на случайно пропущенной при тралении мине подорвался и получил серьезные повреждения транспорт «Мольткефельс». К счастью, он не затонул – его «груз» составляли советские военнопленные, каторжный труд которых немецкое командование использовало для строительства дорог и береговых батарей. Что же касается апрельского похода, то в ходе него «катюша» еще и высадила на берег разведгруппу, а также приняла участие в операции по прикрытию союзного каравана. После возвращения из похода Михаил Петрович был удостоен своей первой боевой награды – ордена Боевого Красного Знамени. И напротив, седьмой поход в мае 1942-го в район порта Вардё был неудачен – из-за наступления полярного дня лодка неоднократно обнаруживалась и подвергалась преследованию противолодочных сил противника, не давших ей ни одной возможности для выхода в атаку. Мин в том походе «катюша» не ставила.

Сосредоточенный и требовательный в море, на берегу Михаил Петрович был мастером шуток, розыгрышей и душой любой компании. Мало кто знает, но знаменитая традиция чествовать экипаж добившейся успеха подлодки за обедом с жареными поросятами – именно его изобретение. В своих мемуарах И. А. Колышкин писал:

«Приятное разнообразие в наш будничный быт вносят торжественные обеды с жареным поросенком. Этим роскошным по военным временам блюдом угощают победителей. А началось все с шутки. Как-то Августинович, сохраняя серьезное выражение на лице, сказал Морденко (командир береговой базы бригады подлодок СФ. – М. М.):

– Не вижу со стороны береговой базы ликования по поводу наших побед. Подводники, понимаешь ли, в поте лица корабли топят, салюты в честь этого дают. А вы вроде бы и не замечаете. Поросенка бы, что ли, резали за каждую победу. А то нехорошо получается...

Григорий Павлович отнесся к такому предложению вполне по-деловому. Договорились, что для каждой команды, вернувшейся с победой, будет даваться обед с поросятами по числу потопленных кораблей. И командир базы сдержал свое слово. Новый обычай всем очень понравился. И вскоре Морденко пришлось завести довольно крупный свиарник. Случалось, он сокрушался:

¹⁷ ЦВМА. Личное дело М. П. Августиновича. Л. 20.

– Ну виданное ли дело? Для одной «малютки» – двух поросят жарить! Команда ведь маленькая – не съедят. Да и свиней этак не напасешься.

Однако опасения рачительного хозяйственника были напрасны. Поросячье стадо имело достаточный приплод. А то, что попадало на праздничный стол, никогда не оставалось недоеденным.

Популярность таких обедов объяснялась отнюдь не преувеличенным интересом подводников к тонкостям гастрономии. Обеды с поросятами стали своеобразной формой сплочения и укрепления нашей морской семьи и даже обмена боевым опытом. На них приглашали командующего флотом, члена Военного совета, командование бригады, командиров дивизионов и лодок, стоявших в базе. В простой и непринужденной обстановке участники минувшего похода с увлечением рассказывали о пережитом в море, приводили бесчисленные подробности боевого столкновения с врагом. Здесь в отличие от официальных разборов их рассказы получали более сочную, эмоциональную окраску.

За некоторыми праздничными столами бывает не принято говорить о повседневных делах, о службе – считается, что интереснее и лучше для отдыха вести общий, «развлекательный» разговор; в этом видят чуть ли не признак хорошего тона. Мы придерживались на это своей точки зрения. Для нас не было ничего, более интересного и увлекательного, чем свежие воспоминания товарищей о поиске и торпедных атаках, артиллерийском бое и уклонении от вражеского преследования. Ведь в этом была вся наша жизнь!»¹⁸

Вообще же весна – лето 1942 года стали периодом заметного снижения активности и результативности действий североморских подводников. Дело в том, что немецкое командование, до того почти игнорировавшее угрозу своим перевозкам из-под воды, приняло решительные меры к их защите, заметно усилив эскорт конвоев и выставив вдоль берега противолодочные минные поля. Сразу же начались потери, которые за первое полугодие составили шесть субмарин из двадцати одной, с которыми бригада встречала Новый 1942 год. Головокружение от успехов быстро прошло, у многих экипажей и командиров его сменили пассивность и уныние. Даже в базе субмарины не могли чувствовать себя в безопасности – в результате участвовавших авианалетов на Мурманск и Полярный ряд подлодок получил повреждения. Не стала исключением и проходившая ремонт К-1 – 2 июля она была буквально изрешечена осколками трех взорвавшихся рядом авиабомб. Лишь благодаря самоотверженным усилиям рабочих и экипажа она к началу августа была введена в строй, после чего сразу же вышла в новый боевой поход.

На этот раз ей предстояло поставить мины в устье весьма крупного по размерам Порсангер-фьорда, где находился узел немецких морских коммуникаций. С некоторой задержкой из-за густого тумана это задание было выполнено вечером 6 августа. Правда, без каприза минного устройства не обошлось – на этот раз в люке застряла девятнадцатая мина. Предшествующие восемнадцать были выставлены новым способом, который, по-видимому, придумал сам Августиневич, – не отдельными мелкими банками, как это делалось раньше, а «ожерельем», то есть на одной дуге сложной конфигурации. В последующие дни «катюша» продолжила действовать на позиции в торпедном варианте. Вечером 11 августа она чуть было не стала жертвой того же оружия, которым столь успешно действовала против вражеского судоходства. Когда «катюша» отходила в подводном положении от вражеского берега для зарядки аккумуляторов, над ней прогрехотал мощный взрыв. Лодку спасло лишь то, что благодаря предусмотрительности командира она шла на глубине 60 метров, в то время как противолодочная мина была установлена на глубине 11 метров от поверхности и сработала в результате задевания корпуса лодки за чувствительную антенну. В момент взрыва внутри

¹⁸ Кольшикин И. А. Указ. соч. С. 90–91.

«катюши» погасло все освещение, вышли из строя кормовые рули, а сама она получила значительный дифферент на нос.

Нам сейчас тяжело представить, какие эмоции испытали моряки в этот момент. Главное же, что никакой паники в этот момент не было. Благодаря четко отданным командам и многократным тренировкам члены экипажа произвели все необходимые действия и, после восстановления освещения и плавучести, приступили к выяснению полученных повреждений. А они оказались на удивление небольшими. Помимо большого количества разбившихся лампочек и измерительных приборов, сплющило ввод радиоантенны, через который в лодку начала поступать вода. Течь была легко устранена. После всплытия выяснилось, что палуба в носовой части сильно вогнута, а ограждение рубки и орудия поцарапаны осколками, которые в изобилии валялись на верхней палубе, зенитный перископ был заклинен и не выдвигался из тумбы. Михаил Петрович посчитал, что, несмотря на подрыв, субмарина вполне может продолжить действия на позиции, но после доклада в штаб его отозвали домой. Это неудивительно, с учетом того, что примерно в то же время в результате подрывов на минах погибли однотипная К-2 и «малютка» М-173. Изучив материалы похода Августиновича, командование бригады пришло к выводу, что следует обязать всех командиров подлодок осуществлять подход к берегу через районы, предположительно заминированные врагом, на глубинах погружения 75 метров. В дальнейшем эта рекомендация спасла жизнь не одному экипажу подлодок.

Что же касается мин, выставленных К-1 в том походе, то спустя несколько дней после возвращения флотская разведка донесла, что на них погиб сторожевой корабль противника. На самом деле история выставленных «катюшей» «сюрпризов» сложилась иначе. К тому времени немцы уже наладили контрольное траление на всем протяжении своей прибрежной коммуникации и вскоре наткнулись на постановку К-1. Несколько мин оказались вытралены, но немецким тральщикам не удалось вычислить сложного начертания «ожерелья Августиновича». 12 сентября на оставшихся в районе мин подорвался и затонул немецкий пароход «Роберт Борнхофен», шедший в Киркенес с грузом угля. Лишь после этого немцам удалось уничтожить большую часть оставшихся мин.

В сентябре К-1 выходила для прикрытия союзного конвоя, а затем некоторое время ремонтировалась. Наконец-то ее экипажу удалось выявить причину постоянно возникавших неисправностей минного устройства. Немалая заслуга в этом принадлежала лично Михаилу Петровичу. Он добился разрешения на проведение серии испытаний устройства на морском полигоне в условиях, максимально приближенных к боевым. Техническая комиссия флота с участием командира высказывала различные предположения о причинах регулярных заеданий, они устранялись, лодка выходила в море и приступала к практической постановке. Так происходило несколько раз, но результат каждый раз оставался негативным – мины снова и снова застревали в люках. Командир делал все возможное к тому, чтобы удерживать их в таком положении и привезти в базу, чтобы комиссия могла наконец-то выяснить причину заеданий. В конце концов ее удалось раскрыть – оказалось, что из-за производственного дефекта кулачки вертикальных направляющих минного устройства имели различную высоту. Когда при постановке мина наезжала на них, из-за дефекта кулачков ей сообщался крутящий момент, разворачивающий мину вокруг своей оси, что приводило к падению ее на люк и заклиниванию всего устройства. После того как высоту кулачков выровняли, все последующие практические и боевые постановки проходили уже без проблем. Рекомендации по регулировке устройства передали на другие «катюши», что позволило наконец-то, к середине второго года войны, преодолеть этот дефект вооружения. В этом была немалая личная заслуга Михаила Петровича.

В начале ноября 1942 года в штабе Северного флота был разработан новый план минирования вод противника. И если ближние вражеские коммуникации могли быть заминиро-

ваны катерами, то дальние – исключительно подводными заградителями, которых к тому моменту в строю флота было всего три единицы. Две из них являлись только что вступившими в состав флота подлодками типа «ленинец», экипажи и командиры которых еще не успели приобрести необходимого опыта. Выполняя план, каждый из заградителей совершил по три похода, но успех сопутствовал только подлодке Августиновича – на новом «ожерелье», выставленном в устье Порсангер-фьорда, спустя две недели погибли два немецких сторожевых корабля. Они шли в составе одного конвоя, один из них подорвался на mine, а второй – при попытке спасти экипаж первого. Погибло 65 немцев – из состава экипажей обоих сторожевиков мало кому удалось спастись. Конечно, такой успех отчасти объяснялся счастливым стечением обстоятельств, но налицо было и мастерство командира «катюши». Ведь мины были выставлены скрытно, точно на судоходном фарватере, и «ожерелье» располагалось таким образом, что при следовании по фарватеру корабли оказывались бы идущими не поперек, а вдоль линии мин – в противном случае на них не подорвалось бы два корабля. После этого суммарный счет командира достиг семи погибших и одного поврежденного корабля противника. Правда, Михаил Петрович об этом не знал. В аттестации за 1942 год ему засчитывалось только три корабля – редчайший случай для нашего флота, поскольку у остальных командиров число декларируемых побед всегда превышало число реальных. Тем не менее за успешное выполнение заданий командования в январе 1943 года его наградили орденом Отечественной войны первой степени. Тогда же корабль стал в продолжительный ремонт.

В чем же заключался секрет успехов Михаила Петровича? Казалось бы, его слагаемые – старательность при выполнении приказов командования о постановке в точно назначенном месте, доразведка начертания вражеских фарватеров перед постановкой, стремление и умение соблюсти скрытность – лежали на поверхности, и о том же самом докладывали и другие командиры подводных минзагов. Но в том-то и дело, что докладывали многие, а реально делал именно Августинович. Документы противника дают достаточно много информации к размышлению о личном почерке наших командиров – чьи банки стояли точно на фарватерах, чьи рядом с ними, а чьи вообще не удалось обнаружить ни немецким, ни нашим тральщикам при послевоенном тралении...

Пока «катюша» ремонтировалась, в организационных структурах флота произошли серьезные изменения. Сначала в январе вышел приказ наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова о формировании Управления подводного плавания ВМФ СССР и реорганизации аналогичных отделов на флотах. По новому положению отделы наделялись широчайшими полномочиями по контролю за боевой деятельностью и организацией боевой подготовки бригад подлодок, поскольку личная инспекция наркома всех воевавших флотов в конце 1942 года показала многочисленные упущения в данной области. Для реорганизованных отделов потребовались квалифицированные специалисты, что обусловило целую цепь кадровых перемещений. Новым начальником отдела ПП СФ стал бывший комбриг контр-адмирал Н. И. Виноградов. Он не забыл своего первого начальника штаба бригады и сумел убедить Михаила Петровича, что больше пользы он сможет принести на должности начальника отделения, отвечавшего за боевую подготовку и анализ боевого опыта экипажей подлодок. С марта 1943 года Августинович перешел на новую должность, на которой пробыл ровно год. В аттестации отмечалось, что Михаил Петрович *«за этот период хорошо организовал работу своего отделения, лично много сделал по подготовке новых подлодок к боевым действиям»*¹⁹. Он и на самом деле по-прежнему много времени проводил в бригаде, общался с командирами, а в октябре 1943-го от них узнал о гибели своего подводного крейсера. В свой последний поход К-1 ушла к северному побережью архипелага Новая Земля, где должна была вести

¹⁹ ЦВМА. Личное дело М. П. Августиновича. Л. 27–27 об.

охоту на субмарины противника, пытавшиеся проникнуть в Карское море. Штатного командира на ней не было, и вместо него в поход пошел командир дивизиона, опытный подводник М. Ф. Хомяков, который, правда, до того на «катюшах» никогда не плавал. Что стало причиной гибели лодки, до сих пор не известно – она просто пропала без вести. Михаил Петрович тяжело переживал гибель боевых товарищей и не раз задавался вопросом – если бы в том походе кораблем командовал он, может, все остались живы и вернулись назад?

Короткий период службы на берегу был примечателен для нашего героя и другим событием – с конца 1942 года он встретил свою настоящую любовь – молодую мурманчанку Антонину, которая согласилась стать его боевой подругой (официально их отношения были зарегистрированы только в конце 1945 года после развода с первой женой, отношения с которой прервались еще в 1938 году). Не забывал Михаил Петрович и своего сына от первого брака – всю войну он прожил в Москве в семье родителей Августиновича.

И все-таки, несмотря на свой большой боевой опыт и знания, наш герой тяготился службой на берегу. Его снова начало тянуть в море, к берегам противника. В декабре 1943-го Виноградова перевели в Москву на должность заместителя начальника Управления подводного плавания, но Августинович с ним не поехал. Вместо этого в марте 1944-го он второй раз за время своей службы становится командиром дивизиона подлодок – и не какого-нибудь, а именно того, куда входят подводные заградители – «катюши» и «ленинцы». К тому времени на многих из них сменились командиры, и, чтобы ввести их в строй, требовалось помимо учебы на берегу ходить с ними в море и практически учить, как ставить мины. Так между мартом и июнем 1944-го Михаил Петрович принял участие еще в четырех боевых походах в роли обеспечивающего – двух на Л-20, по одному на Л-22 и знаменитой краснознаменной К-21. В аттестации за 1944 год комбриг Колышкин указывал: *«В море ведет себя смело и решительно, поставленную задачу добивается выполнить во что бы то ни стало. Не было случая, чтобы привозил [невыставленные] мины обратно с позиции... В море идет с удовольствием, море любит, морские качества хорошие. Северный театр знает хорошо. В должности комдива обучил и вывел в боевой поход 2-х молодых командиров подводных лодок... Требователен к личному составу, но недостаточно требователен к командирам лодок. Пользуется большим авторитетом у личного состава»*. Правда, сказать, что в походах 1944 года были одержаны новые победы, не получается. Немецкое командование к тому времени еще более усилило группировку своих надводных кораблей, наладило защиту коммуникаций, в результате чего все мины обнаруживались немцами раньше, чем на них успевали подорваться суда. Следует подчеркнуть, что на протяжении всей войны наш подводный флот пользовался минами устаревшей конструкции с контактными взрывателями, которые не имели эффективных противотральных устройств. С учетом этого каждый подрыв вражеского корабля мог рассматриваться как просчет противника или везение.

Последнее, вне всякого сомнения, всегда сопутствовало Августиновичу – ведь за период войны он участвовал в 16 боевых походах, 12 минных постановках, двух высадках разведгрупп, провел в море 204 дня, что выводит его по данному показателю на девятое место среди всех командиров-подводников ВМФ СССР. О выдающихся боевых успехах его заградителя мы уже говорили. За все это время, за исключением единственного подрыва на mine, его корабль фактически не испытал на себе воздействия противника, да и в результате подрыва лодка получила минимальные повреждения. Ни один из членов экипажа кораблей, где старшим был Михаил Петрович, даже сколько-нибудь серьезно не пострадал, не говоря уже о том, чтобы был убит или тяжело ранен. Лишь единицы среди командиров могли похвастаться таким везением. К двум указанным ранее боевым наградам к концу войны на кителе нашего героя добавились ордена Нахимова и Отечественной войны второй степени.

После войны еще некоторое время Августинович продолжал служить на старом месте, хотя комбриг Колышкин и записал, что он *«достойн и вполне подготовлен на должность*

командира бригады подлодок». Просто для него не было вакантной бригады. В этот период Михаил Петрович занялся обустройством личных дел (в 1946 году у него родилась дочь Наталья), не забывая и о службе. В 1946-м он был назначен командиром отряда кораблей, переводившихся с Балтики на Север вокруг Скандинавского полуострова, а в конце года поступил на академические курсы офицерского состава при Военно-морской академии. Успешно окончив их весной следующего года, он получил назначение на должность начальника штаба своей родной бригады, а затем, всего пару месяцев спустя, – на должность комбрига. Не все на новом месте складывалось легко, непростыми оказались и взаимоотношения с новым командующим флотом вице-адмиралом В. И. Платоновым, который наряду с признанием ряда заслуг Михаила Петровича высказал и немало критического в его адрес. Приведем текст аттестации за 1947 год с небольшими сокращениями:

«Оперативно-тактическая подготовка хорошая. Имеет большой опыт командования лодкой и дивизионом во время войны.

По своему характеру человек живой, энергичный, сообразительный и способный.

Дисциплинирован и тактичен. В проведении своих решений настойчив.

Плавать любит и в море на лодках выходит часто. В должности командира бригады всю кампанию пробыл в плавании на отдаленном рейде, где конкретно руководил боевой подготовкой своих кораблей.

Несмотря на хорошую подготовку и большой опыт, взять в руки свой личный состав еще не смог. Часто уступает требованию и настроению масс во вред делу. Потребовать строго с командиров кораблей аттестуемому мешает то обстоятельство, что он со многими из них состоит в приятельских отношениях, вместе воевали, вместе выпивали. Что, надо полагать, со временем и возрастом аттестуемого пройдет.

Северный морской театр знает хорошо. Север любит и служит на флоте с большим энтузиазмом и патриотизмом.

Недостатки:

1. Еще недостаточно высокая требовательность к командирам кораблей, следствием чего за кампанию 1947 года было две посадки лодок на мель, на бригаде имеет место пьянство среди офицеров и низкая дисциплина среди матросов.

2. Свои проводимые мероприятия не всегда глубоко продумывает и взвешивает, поэтому бывают случаи поспешных и несолидных решений.

3. Склонен к переоценке своих сил, знаний и способностей, вследствие чего иногда бывает недостаточно скромн.

Выводы: Молодой, растущий командир соединения. Занимаемой должности и воинскому званию соответствует. Подлежит оставлению на своем месте и в прежнем звании. Повысить требовательность, изжить нездоровую дружбу на почве собутельничества среди командиров. Вдумчивей и солидней подходить к принятию решений»²⁰.

К этому документу необходимо сделать ряд пояснений. Во-первых, по меркам советского ВМФ того времени прошедший войну 35-летний Августинович едва ли мог считаться «молодым командиром». Например, будущий бессменный главком ВМФ периода «развитого социализма» С. Г. Горшков стал командиром бригады в возрасте 28 лет, а получил звание контр-адмирала в 31 год. В 34 года Н. Г. Кузнецов возглавил Тихоокеанский флот, а в 35 лет стал главкомом ВМФ. Этот ряд примеров можно было бы продолжить. То, что он не стал отдаляться от сверстников – командиров лодок, ветеранов войны, после того как стал комбригом, скорее говорит о Михаиле Петровиче положительно, чем отрицательно. Ну а тот факт, что на соединении имелись отдельные не слишком серьезные происшествия, свидетельствует о том, что подлодки выходили в море – ведь отсутствие происшествий возможно

²⁰ ЦВМА. Личное дело М. П. Августиновича. Л. 38.

только на стоящих у пирса кораблях, с которых списан весь личный состав! Хотя в 1949 году Августинovich и получил соответствующее должностное звание контр-адмирала, в дальнейшем продвижении по службе командующий флотом ему отказал. В этой ситуации единственным выходом стало поступление в очередное военно-учебное заведение, на этот раз в академию Генерального штаба, где Михаил Петрович учился с 1951 по 1953 год.

В этом высшем военно-учебном заведении Министерства обороны Августинovich продемонстрировал отличные знания по всем предметам и после выпуска был аттестован на должность командира дивизии подводных лодок или начальника оперативного управления флота. Но вместо этого он получил предложение заняться более интересной и перспективной работой в аппарате старшего военного советника командующего ВМС Китая. Служба на новом поприще проходила настолько успешно, что в 1954 году Михаил Петрович сам стал старшим военно-морским советником, считай, командующим китайским флотом! На этой должности он продолжал служить до 1956 года, когда после небезызвестного XX съезда КПСС наша дружба с КНР сменилась на многолетний период вражды и противостояния в крайних формах. Нашей миссии пришлось возвратиться в Москву. После годичной службы в оперативном управлении Главного штаба ВМФ он перешел в аппарат Главной инспекции Минобороны СССР, где в течение долгих 11 лет занимал должность адмирал-инспектора подводных сил. В 1961 году он получил звание вице-адмирала. Новая должность позволяла Михаилу Петровичу заниматься любимым делом, которому он посвятил всю свою жизнь: регулярно бывать на флотах, выходить в море на подлодках и общаться с друзьями, вспоминая былые бои и походы.

После достижения предельного для вице-адмиралов 55-летнего возраста в 1968 году Августинovich ушел в запас. За плечами у него была 38-летняя безупречная служба Родине, отмеченная семью орденами, включая орден Ленина, и звание самого успешного нашего подводника – постановщика мин в годы Великой Отечественной войны. Впрочем, при жизни он о нем так и не узнал. На устах у историков и ветеранов тогда, да зачастую и сейчас, звучат другие имена – П. Д. Грищенко и А. М. Матиясевича²¹, но беспристрастный анализ документов противника показывает, что наибольших успехов в минных постановках добился именно он, долго и честно служивший Родине в Вооруженных силах и не ставший писать нескромных мемуаров. Воздадим же мы заслуженные почести герою!

²¹ А. М. Матиясевич посмертно удостоен звания Героя РФ в 1995 г., за присвоение аналогичного звания П. Д. Грищенко многие ветераны-подводники борются вплоть до сегодняшнего дня.

Михаил Васильевич Грешилов

Редко судьба одного командира подводной лодки похожа на судьбу другого. Те, кто встретил 22 июня на этой должности уже к середине войны, как правило, уходили на повышение. Конечно же если раньше не погибали... На смену им приходили другие – те, кто служил помощниками командиров на сражавшихся флотах или командирами на Тихоокеанском флоте. И все-таки находились и такие, кто провоевал на командирской должности с начала войны до завершения активных боевых действий на своем театре. Если исключить тех, чьи лодки простояли длительное время в ремонте, остаются всего пара человек, и среди них на заслуженном первом месте – Михаил Васильевич Грешилов. С начала войны до мая 1944 года он, последовательно командуя двумя подлодками ЧФ, совершил 25 боевых походов и провел в море 259 суток. В результате двадцати двух торпедных и двух артиллерийских атак он уничтожил четыре и повредил один корабль противника, что по числу боевых успехов уверенно выводит его на первое место среди командиров-черноморцев. По количеству совершенных боевых походов он на втором, а по сумме проведенных суток в море – на четвертом месте среди всех командиров Великой Отечественной. Грешилову принадлежит и еще один необычный рекорд: обе подлодки, которыми он командовал, были удостоены гвардейских званий – высшего отличия для кораблей ВМФ СССР.

Родился Михаил Васильевич 15 ноября 1912 года (по новому стилю) в деревне Будановке близ станции Свобода недалеко от Курска.

«Годы детства, – вспоминал впоследствии Грешилов, – оставили в памяти немного примечательных событий. Рос я в семье крестьянина, которому прокормить нас, двоих детей, было нелегко. Отец вернулся с империалистической войны инвалидом, и ему было трудно вести хозяйство.

Помнится, когда наша сельская учительница Анна Михайловна, добрейшей души человек, определила меня на учение в железнодорожную школу в Курске, в семье возник серьезный вопрос, где достать башмаки для поездки в город? Стоптаные отцовские сапоги годились только пасти скотину да ездить с дедом в ночное. Самая крепкая обувь оказалась у моей матери Прасковьи Николаевны, в ее ботинках и отправился я в новую городскую школу»²².

Это то, что Михаил Васильевич мог написать в своих мемуарах. «Подводной частью айсберга» являлось то, что еще и до призыва на войну Грешилов-старший был склонен к злоупотреблению алкоголем и со временем у него на этой почве развилось психическое заболевание. Перспектив остаться в деревне и зажить полноценной жизнью у Михаила не было. Надо было выбиваться в город, тем более что в период учебы в сельской школе у него обнаружили большие способности. Всю свою оставшуюся жизнь прославленный подводник с благодарностью вспоминал свою первую учительницу Анну Михайловну, разбудившую в нем страсть к наукам.

Весной 1929 года Михаилу удалось окончить семилетку, что в то время соответствовало канонам среднего образования. Из всех наук ему лучше давались технические, что объясняло желание юноши продолжить обучение по соответствующему профилю. Удобный случай подвернулся очень скоро. Комсомол, являвшийся в те годы настоящей путеводной звездой для молодых людей, предложил Михаилу поступать в фабрично-заводское училище уральского Магнитогорска. По всей стране радио и газеты ежедневно сообщали о грандиозном строительстве, развернувшемся в ходе первых пятилеток на горе Магнитной, и легко было понять стремление молодого человека стать причастным к этому выдающемуся событию. В составе группы из шести десяти курских комсомольцев Михаил покинул родной

²² Грешилов М. В. Подводная вахта. Курск, 1948. С. 5.

дом, чтобы стать рабочим металлургического гиганта. Но раньше предстоял еще год учебы по специальности электрика, учебная практика на предприятиях Донбасса. К моменту их окончания наш герой освоил эксплуатацию многих агрегатов, составлявших сложное электрическое хозяйство коксохимического завода. Вернувшись в Магнитогорск, Михаил лично принимал участие в монтаже оборудования и пуске двух первых батарей коксового завода. Сознание того, что именно он произвел первый кокс для доменных печей знаменитой Магнитки, до конца жизни наполняло сердце героя-подводника законной гордостью. Затем незаметно пролетели еще три года трудной, но интересной работы, в ходе которой Грешилов заслужил право стоять вахту в качестве сменного мастера.

Годы учебы в ФЗУ и работы на комбинате окончательно сформировали характер Михаила Васильевича. Его основными чертами являлись спокойствие, деловитость, уверенность в себе, которые сочетались с внимательностью и необычайной доброжелательностью к людям. Михаил никогда не рвался на высокие трибуны, не стремился пустить пыль в глаза окружающим. Он просто выполнял порученное ему дело и старался делать это максимально тщательно. Он специально не стремился к карьерному росту, он просто был уверен в том, что добросовестное выполнение своих обязанностей и стремление повысить квалификацию обеспечат ему продвижение вперед. В любом коллективе такие люди не находятся на первом плане, но именно они являются той «солью земли», тем фундаментом, на котором основывается успех в любом серьезном деле – как капитан Тушин в Шёнграбенском сражении, описанном в первом томе романа Льва Толстого «Война и мир»!

Должность сменного мастера не являлась пределом желаний молодого рабочего – он считал, что способен на большее, и прекрасно понимал, что для этого необходимо продолжить образование. Где именно и как, ему подсказало время...

«Как-то секретарь комсомольской ячейки известил нас, что объявлен набор добровольцев в военно-морской флот. Я никогда не видел кораблей, но мой приятель, работавший в одной со мной смене на коксовых печах, горячо советовал мне пойти во флот. Он служил на Балтике, плавал на крейсере и рассказывал о военных кораблях с таким искренним восторгом, что трудно было не поддаваться его совету и не поверить его утверждению, что настоящим электриком можно стать только на борту современного боевого корабля.

– Там, – убеждал он, – ты пройдешь академию электротехники»²³.

Именно так в июне 1933 года Михаил Грешилов стал курсантом Военно-морского училища имени Фрунзе в Ленинграде. После сдачи вступительных экзаменов его определили в штурманский дивизион сектора училища, готовившего командиров для подводного флота. Учеба давалась ему легко. Как он сам вспоминал в мемуарах, ему в практическом плане очень помог опыт работы электрика, а усидчивости и смекалки ему было не занимать. Летом 1937 года он выпустился из училища с лейтенантскими нашивками, женился и отправился служить по распределению на Черноморский флот. Его первой подводной лодкой стала «щука» Щ-202. «Щуки» относились к подводным лодкам среднего типа, составлявшим в то время основу советского подводного флота. Эти почти что 600-тонные корабли имели длину 59 метров, скорости 12,3 и 8,5 узла над и под водой соответственно, шесть торпедных аппаратов, четыре запасные торпеды и две 45-мм пушки. Экипаж по штату составлял 40 человек, из них семь относились к начальствующему составу. Одним из них был штурман, который помимо непосредственных и весьма ответственных обязанностей являлся еще и командиром боевой части, куда входили рулевые, штурманские электрики, связисты и акустики. Времени у молодого лейтенанта на раскачку не было – пришлось за считанные недели вращаться в круг весьма многочисленных ежедневных обязанностей. Позднее Михаил Васильевич вспоминал: *«Два года штурманской службы на подводной лодке были для меня самым значитель-*

²³ Грешилов М. В. Указ. соч. С. 7.

ным этапом на пути к самостоятельной командирской деятельности. Мне посчастливилось проходить службу под руководством опытных, чутких командиров, в дружной среде товарищей, которые научили меня управлять подводным кораблем и руководить его экипажем»²⁴. И действительно, оба командира Щ-202, при которых довелось служить Грешилову, – Михаил Бибеев и Георгий Апостолов – были отличными моряками и способными воспитателями. В годы войны Бибеев служил на Севере командиром гвардейской краснознаменной подлодки Д-3, а Апостолов – на Черном море командиром подводного минного заградителя Л-24. Оба отдали свои жизни за Родину в тяжелом 1942 году. Но раньше они успели воспитать множество настоящих моряков, среди которых посчастливилось оказаться и Михаилу Грешилову.

Прекрасная школа, преподанная талантливому ученику, не пропала даром. Командование заметило способного молодого штурмана, и уже в январе 1939 года наш герой получил назначение на должность помощника командира подлодки А-1 того же флота. И здесь ему предстояло пройти серьезную школу, но уже опираясь не на положительный, а на отрицательный пример. Командиром этой субмарины являлся сравнительно немолодой человек, призванный на службу из кадров торгового флота, который так и не сумел стать военным моряком. Вся организация службы на корабле, боевая подготовка экипажа легли на плечи Грешилова, с чем он прекрасно справился. После такой проверки на зрелость для Михаила Васильевича не составило никакого труда сдать экзамены в командирский класс Учебного отряда подводного плавания и оказаться одним из лучших в своем выпуске. Так летом 1940 года он стал командиром новейшей «малютки» М-35 XII серии.

О «малютках» у нас писалось многократно, но либо хорошее, либо вообще ничего. В 30-х же – 40-х годах среди подводников ходила поговорка «Кто на «малютке» не бывал, тот и горя не видал». Созданная для несения прибрежной дозорной службы подлодка имела весьма неказистые размеры (206 тонн надводного водоизмещения, 44,5 метра длины) и слабые боевые характеристики (два торпедных аппарата без запасных торпед, 45-мм пушка). Экипаж состоял всего из 18 человек, в том числе трех комсостава. Лишь в первые месяцы войны в помощь им ввели четвертого командира, поскольку наличным составом нести ходовую вахту было очень тяжело (механик вахту не нес, а командиру и штурману лодки приходилось менять друг друга на вахте через каждые 4 часа, пока подлодка находилась в море). Условия обитаемости также оставляли желать много лучшего. Один из командиров субмарин военного времени Николай Белоруков так вспоминал свою службу на «малютке»:

«Действительно, условия на этих подводных лодках оставляли желать лучшего. Достаточно сказать, что, кроме единственного небольшого диванчика и крохотной подвесной койки, спальных мест у личного состава на этих лодках не было. Поэтому в море команда не раздеваясь отдыхала кто где: торпедисты – под торпедными аппаратами, мотористы – за дизелем, электрики – за электромотором. Я спал во втором отсеке (на центральном посту) под штурманским столом.

Внутри подводной лодки было холодно и сыро. Когда лодка уходила под воду, корпус постепенно отпотевал, и в скором времени холодные капли дождем начинали сыпать на личный состав, приборы, механизмы, и все промокало насквозь.

Кока на этих подводных лодках не было, и горячие блюда стряпали торпедисты, в распоряжении которых находились три электрических бачка: по одному для каждого блюда. Торпедисты, разумеется, не имели достаточной кулинарной подготовки. Приготовленная ими даже из отличных продуктов пища была невкусной, и команда предпочитала есть консервы»²⁵. Почему мы так подробно описываем условия обитания на подлодках этого типа?

²⁴ Грешилов М. В. Указ. соч. С. 9.

²⁵ Белоруков Н. П. Боевыми курсами. Записки подводника. 1939–1944 гг. М., 2006. С. 15.

Да потому, что в годы войны Михаилу Грешилову предстояло совершить на своей М-35 девятнадцать боевых походов продолжительностью от двух до четырнадцати суток каждый!

Но все это произошло потом, а пока экипажу предстояло еще ввести свой корабль в строй. Корпус субмарины был построен на горьковском заводе «Красное Сормово», а затем по железной дороге перевезен для достройки в черноморский Николаев. В августе 1940-го ее спустили на воду, но только в начале весны 1941-го завершили все мон тажные работы и испытания. Подъем флага состоялся 30 марта. Этот день сохранился в памяти Михаила Васильевича навсегда:

«Я скомандовал: «Военно-морской флаг поднять! Заводской спустить!»

В эту минуту я подумал: «Пройден важный рубеж на моем жизненном пути. Комсомолец, попавший из курской деревни во флот, принимал на себя ответственную роль командира корабля. Вот эти люди, замершие в строю на борту лодки, отныне будут выполнять свой долг перед Родиной, следуя моим приказаниям, слушая мою команду. Они должны повиноваться моей воле, учиться у меня... Смогу ли быть таким командиром? Есть ли у меня все, что необходимо для этого?»²⁶

Изучали корабль командир и матросы вместе. Но командир, кроме того, успевал и изучать моряков. Спокойствие, скромность и простота в общении располагали к нему людей, многие из которых были ровесниками Михаила. Вскоре он мог уже безошибочно предсказать, как каждый из них будет вести себя в боевой ситуации, кому можно доверять без оглядки, а кому надо еще что-то объяснить, подсказать или же помочь решить проблемы, отвлекающие его от службы. «Фирменной особенностью» Грешилова являлось стремление привить всем и каждому любовь к своему неказистому боевому кораблю как к самому современному на тот момент оружию, которое им доверила Родина для выполнения своего воинского долга. Необходимо признать, что эта работа имела большой успех. Моряки сплотились вокруг своего командира, и, вопреки известной поговорке, на первых же учебных торпедных стрельбах, состоявшихся буквально накануне войны, экипаж получил отличную оценку.

Стоит заметить, что Михаил Васильевич успевал не только быть «отцом солдату», но и прекрасным семьянином. В 1938 году у него родился первенец – сын Евгений, а вслед за ним в 1941 году – второй сын, которого нарекли Виктором.

22 июня М-35 встретила в Севастополе. Заблаговременно в городе была объявлена воздушная тревога, личный состав, отпущенный в увольнения, прибыл на корабли как раз к отражению налета немецких самолетов. В 12 часов дня из известной речи В. М. Молотова моряки узнали, что налет был не случайностью и не провокацией, а самой настоящей войной. О том, что она продлится 1418 дней и ночей, будет сопряжена с небывалыми испытаниями и многочисленными жертвами, тогда еще никто не знал. И несмотря на то что моряки догадывались, что сокрушение нацистской военной машины окажется нелегким делом, все они горели желанием принять в этом активнейшее участие. Хотя экипаж был еще не до конца отработан, командование доверило 28-летнему капитану на пятые сутки войны вывести корабль в боевой поход. *«Перед рассветом мы пришли в свой район, – вспоминал Грешилов, – а с восходом солнца погрузились на перископную глубину... Девять суток экипаж вел наблюдение, а противник все не показывался. С первыми проблесками утра мы погружались, а когда солнце ныряло за горизонт и серая пелена моря сливалась с потухшим, таким же серым, небом, мы всплывали для зарядки батарей. Экипаж досадовал: дни уходят, а мы бездействуем. Казалось, только мы одни во всем флоте сейчас не используем своего оружия против врага... Экипаж возвратился с первой позиции без боевого успеха»²⁷.*

²⁶ Грешилов М. В. Указ. соч. С. 9.

²⁷ Грешилов М. В. Указ. соч. С. 11.

Последовавшие вслед за этим между июлем и сентябрем второй, третий, четвертый и пятый походы также не только не увенчались успехами, но даже не сопровождались встречами с противником. В этом не было ничего удивительного, поскольку большинство позиций подлодок было развернуто командованием вблизи своих берегов на случай попытки немцев высадить морские десанты в Крыму и на Кавказе. Ничего подобного, как стало известно после войны, немецкое командование и не замышляло, больше рассчитывая на свои танковые клинья, поддержанные бомбардировщиками люфтваффе. У многих черноморских подводников нетерпение перешло в раздражение, которое, после того как враг вышел к Одессе и Перекопу, сменилось отчаянием. Большинство в те дни испытывало схожие чувства, но только не Михаил Грешилов. Подводя итоги первых походов, он впоследствии писал: *«Но я, не говоря про это вслух, в душе все же был доволен. Экипаж привык к длительному пребыванию на позиции и, как говорится, обжил море, свыкнулся с тысячью всевозможных мелочей боевого похода, тех мелочей, из которых складывается дисциплинированность и четкость действий команды боевого корабля в ответственные минуты встречи с врагом»*²⁸. С оценкой, сделанной в мемуарах, трудно не согласиться, тем более что хорошее качество отработки экипажа проявилось весьма скоро.

Только в шестом походе Михаилу Васильевичу досталась по-настоящему боевая позиция – участок вражеской прибрежной коммуникации между румынскими портами Констанца и Сулина. В тот момент этот район был свободен от вражеских мин, а противолодочных кораблей в германо-румынском флоте на тот момент еще не имелось. Казалось бы, подходи к берегу, атакуй и топи. Но на самом деле все было далеко не так просто. Огромное количество песка и ила, выносимого в море через рукава устья Дуная, делали район очень мелководным. Даже «малютке» развернуться здесь оказалось весьма нелегко. Это проявилось в первой же атаке.

В полдень 18 октября, когда М-35 находилась в районе Портицкого гирла Дуная, были обнаружены три буксира, каждый с двумя парами на прицепе. Грешилов объявил боевую тревогу и начал маневрирование для атаки. Сразу же выяснилось, что толща воды у берега уступает той, в которой могла уместиться «малютка» с поднятым перископом. Решение пришлось в голову Михаила Васильевича мгновенно – спуститься из боевой рубки в центральный пост, приспустить за счет этого перископ на несколько метров так, чтобы он только чуть высывался из перископной тумбы, и продолжить сближение. Несмотря на это, во время выхода в точку залпа М-35 неоднократно «чиркала» о грунт – ведь глубина моря в этом месте составляла всего лишь 8,5 метра! Атака затянулась. И только через два часа, когда суда противника вышли на глубины, превышавшие 10 метров, Грешилову удалось сблизиться на дистанцию 5 кабельтовых. Он произвел выстрел одной торпедой по парому, шедшему с первым буксиром, а спустя несколько минут – по парому, шедшему со вторым буксиром. Взрывов не последовало. Зато вместо этого подводники слышали разрывы артиллерийских снарядов, ударявшихся о воду, – противник заметил сначала следы торпед, а затем высывавшийся из воды перископ. Что же касается торпед, то они прошли под днищем паромов, поскольку имели большую установку глубины, чем мелкосидящие плавсредства. Первый «боевой блин» получился «комом», но даже эта неудача прекрасно характеризовала командира и его экипаж. В действиях Грешилова явно просматривались энергичность, инициатива и военная смекалка, в действиях моряков – четкость и слаженность. Далеко не все наши подводники в 1941 году были способны на такое...

Поскольку торпеды в ходе атаки оказались израсходованы, М-35 вернулась на базу в бухте Балаклава. Приняв торпеды и пополнив запасы, «малютка» через сутки снова вышла для крейсерства в тот же район. В течение трех дней командир маневрировал в непосред-

²⁸ Грешилов М. В. Указ. соч. С. 11.

ственной близости от берега, но, кроме сторожевых катеров и парусных шхун, ничего не встречал. Лишь днем 26-го Грешилов обнаружил очередной буксирный караван. Учтывая предыдущий отрицательный опыт, он решил не тратить торпед на мелкосидящие цели, а отойти на большие глубины, следовать параллельным конвою курсом и с наступлением сумерек при возможности атаковать его артиллерией из надводного положения. О последовавшем Михаил Васильевич вспоминал так:

«Остаток дня мы провели в преследовании каравана. С нетерпением ждали наступления темноты. После заката я отдал команду:

– По местам стоять! К всплытию!

Сколько раз приходилось произносить эти, привычные слова, но в эту минуту мне показалось, что они прозвучали впервые.

Нас охватило знакомое каждому подводнику волнение перед выходом в атаку. Еще минуту – и мы окажемся лицом к лицу с врагом...

Не отходя от окуляра перископа, я слушал доклады старшин.

– В первом отсеке стоят по местам!

– Во втором отсеке стоят по местам!..

Мой помощник лейтенант Бодаревский, с подчеркнутой выправкой, торжественно отчеканивая каждое слово, доложил:

– В лодке стоят по местам к всплытию!

Через мгновение послышалось характерное шипение продуваемой средней цистерны. Несколько секунд мы держались в позиционном положении, продолжая наблюдать за караваном. Теперь никто не мог обнаружить нас в сгустившей темноте до той минуты, пока мы сами не дадим о себе знать.

Силуэты буксиров и барж были еще отчетливо различимы. Мы пошли на сближение. Артиллерийские расчеты заняли свои места. Я приказал сосредоточить огонь по груженным баржам.

Первый выстрел сделал командир орудия Миргородский. С буксиров стали отвечать. Снаряды ложились позади нас. Мы продолжали сближаться с караваном, ведя огонь. Два снаряда уже угодили в баржу, строй каравана нарушился, но тут показались катера-охотники, привлеченные перестрелкой. Нельзя было ради нескольких барж рисковать лодкой. Скрепя сердце я отдал команду к погружению.

Так закончилось наше первое боевое столкновение с противником. Никто не испытывал удовлетворения от этой встречи, но мне приятно было отметить, что экипаж действовал четко»²⁹.

Лишь через много лет после окончания войны Михаил Васильевич узнал, что переживать за отсутствие явных признаков успеха в том ночном бою совершенно не стоило. Как оказалось, «малютка» атаковала группу немецких самоходных паромов. Тянувший их румынский буксир с началом атаки обрубил концы и бросил два подопечных парома на произвол судьбы. Атака подлодки и сильное волнение привели к тому, что оба парома оказались выброшены на берег. Спасти немцам удалось лишь один, а другой – № 35 – был разрушен осенними штормами. Так экипаж М-35, сам не ведая об этом, открыл боевой счет. И наоборот, атака, произведенная на следующий день по немецкому транспорту «Лола», стоявшему в порту Сулина, оказалась безуспешной. С борта подлодки слышали взрыв и видели дым над гаванью, но на самом деле это были тучи пыли, поднятые взрывом торпеды при ударе о мол. Вторая торпеда ударилась в борт судна, но не взорвалась из-за технического дефекта. Для того чтобы сделать этот залп, Грешилову пришлось на протяжении нескольких вечерних часов то всплывать, то погружаться, чтобы миновать песчаные отмели перед вхо-

²⁹ Грешилов М. В. Указ. соч. С. 12–13.

дом в гавань. Как писали авторы труда «Боевая деятельность подводных лодок ВМФ СССР в Великую Отечественную войну», *«действия командира были смелыми, решительными, и только благодаря отказу оружия он не добился боевого успеха»*³⁰.

Дальнейшая боевая деятельность на протяжении нескольких месяцев складывалась так, что экипаж М-35 просто не имел возможности встретиться с врагом. Началась героическая оборона Севастополя, и все подлодки Черноморского флота были переведены для базирования на кавказские базы. Действовать оттуда у берегов противника «малютки» не могли – им просто не хватало дальности плавания. Снова, как и в летние месяцы, экипажи многих лодок узнавали о войне только из газет и сводок Совинформбюро. А обстановка на Черном море действительно оставалась весьма тревожной: в начале ноября защитники Севастополя отразили первый немецкий штурм, в конце декабря – второй. Командование и военный совет Черноморского флота во главе с командующим адмиралом Ф. С. Октябрьским возглавляли оборону и беспрерывно находились в городе. Вслед за победой под Москвой началось общее наступление Красной армии по всему фронту. Не обошло оно стороной и южного стратегического направления. 26–28 декабря в разгар боев за главную базу Черноморского флота советское командование внезапно для противника высадило ряд крупных десантов на Керченском полуострове. Немцам пришлось прекратить штурм и оставить Керчь и Феодосию. Правда, нашим надеждам на скорое освобождение всего Крыма тогда не суждено было сбыться.

Тем не менее изменения в сухопутной обстановке повлекли за собой и изменения в ходе подводной войны.

В марте командование временно перебазировало М-35 в осажденную базу, откуда использовало для выполнения наиболее ответственных задач. Заключались они, в большинстве случаев, в разведке портов и других прибрежных объектов противника. Каждый раз Михаил Васильевич со всем тщанием подходил к выполнению очередного задания, но результаты разведки показывали, что немцы в этих водах плавать не рискуют – их немногочисленные корабли пока осваивали только западную часть моря. Всего же с марта по май 1942-го «малютка» произвела шесть боевых походов, не сопровождавшихся в большинстве случаев какими-либо яркими эпизодами. Однажды при срочном погружении механик неправильно рассчитал объем принимаемой воды, и перетяжеленная лодка с силой ударилась о дно на небольшой глубине. Оказался заклиненным вертикальный руль, а при наличии всего одного винта субмарина этого типа не могла управляться двигателями. До наступления темноты лодке с большим трудом удалось отойти в море подальше от вражеского берега, но затем командир был вынужден всплыть и вызвать буксир из Севастополя. Всю вину за аварию Грешилов взял на себя, но с учетом его предыдущих заслуг командование, каравшее за аварийность весьма жестко, ограничилось тогда только выговором – по-видимому, первым за всю военную службу Михаила Васильевича.

Зато в следующем походе командир постарался максимально искупить свое «прегрешение». На этот раз перед ним поставили задачу организовать наблюдение за прибрежным аэродромом Саки, с которого немецкие бомбардировщики и торпедоносцы пытались наносить удары по нашим конвоям, снабжавшим Севастополь. Почти каждую ночь советская авиация наносила по летному полю бомбовые удары, но, судя по активности противника, они не достигали цели. Враг хорошо маскировал взлетную полосу и дезориентировал летчиков ложными объектами. Тогда решили послать лодку Грешилова, в помощь которому выделили морского летчика старшего лейтенанта Владимира Потехина. У Потехина име-

³⁰ Боевая деятельность подводных лодок Военно-Морского Флота СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Т. 3. М., 1970. С. 50.

лась рация для прямой связи со штабом авиаполка. В ночь на 9 апреля субмарина всплыла в непосредственной близости от прибрежного аэродрома и корректировала по радио удар нашей авиации. По данным внешнего наблюдения, он оказался как никогда эффективен – летчики насчитали 94 взрыва в пределах летного поля. Тем не менее накануне финального штурма Севастополя М-35 пришлось уйти на Кавказ и стать в обязательный гарантийный ремонт, продолжавшийся до середины августа.

За эти три месяца обстановка на Черном море претерпела серьезные изменения. Враг захватил Керченский полуостров, Севастополь, а теперь рвался на Кавказ. Шли тяжелые бои под Новороссийском, а следующим на повестке дня у противника стояло овладение Туапсе. Несомненно, что за этим последовали бы Поти и Батуми. Казалось, еще немного, и Черноморскому флоту придется затопиться подобно тому, как это было в июне 1918 года. Но даже без утраты последних портовых городов обстановка оставалась весьма сложной. Уцелевшие базы регулярно подвергались ударам немецкой авиации, чтобы их избежать, субмаринам приходилось выходить в море и погружаться до наступления темноты, примерно так же, как если бы речь шла о боевом походе.

Сами выходы на позиции тоже значительно усложнились. Чтобы достичь коммуникаций противника, субмаринам приходилось идти по несколько сотен миль через все море. Для «малюток» это стало возможным только после переделки части цистерн главного балласта под прием топлива. На всем пути через море лодки подстерегали многочисленные опасности, начиная от плавающих мин, заканчивая немецкими самолетами, которые летали группами и поодиночке и, казалось, господствовали здесь безраздельно. Получалось, что экипажам «малюток» приходилось по шесть суток затрачивать на переходы на позицию и обратно, чтобы в одной-единственной атаке выпустить обе свои торпеды. Но моряков это нимало не смущало – так велико у них было желание почувствовать себя полезными, в то время как на сухопутном фронте решалась судьба Кавказа и Сталинграда, отомстить врагу за Севастополь.

Позиция, на которой предстояло действовать «малютке», оказалась той же самой, что и год назад, – мелководный район перед устьем Дуная. Здесь по-прежнему ходили конвои буксиров и барж, но теперь они стали намного сильнее охраняться противником. Кроме того, для защиты прибрежного фарватера враг выставил параллельно ему со стороны моря многочисленные минные поля.

Михаил Васильевич оказался готов к боевым действиям в новых условиях. Он разработал для этого свою собственную тактику, весьма заметно отличавшуюся от той, которой пользовалось большинство командиров подлодок. Он не рыскал по всей позиции, поскольку резонно считал, что вероятность встретиться с миной в таких условиях серьезно возрастает, а возможность атаки, наоборот, падает, поскольку в момент обнаружения цели лодка может оказаться отделена от нее мелководьем или разрядить батарею. Вместо этого он подходил к берегу в местах, где глубина позволяла «малютке» погрузиться и стать на якорь. Днем подлодка стояла на якоре в подводном положении, наблюдая за фарватером в перископ, ночью стояла на якоре в надводном и наблюдала за горизонтом силами верхней вахты. И в том и в другом положении велось гидроакустическое наблюдение, существенно расширявшее дальность обнаружения противника. Снявшись с якоря, лодка всегда имела полностью заряженную аккумуляторную батарею, и в этом был еще один немаловажный плюс грешиловской тактики. Именно благодаря этим нестандартным решениям Михаил Васильевич имел множество встреч с кораблями противника и неоднократно их атаковывал. Этим же он, по всей вероятности, сберег свою жизнь и жизни членов экипажа, ведь, пытаясь действовать в северо-западной части моря, подводные силы ЧФ потеряли в течение второй половины 1942 года восемь подлодок – в подавляющем большинстве на минах.

5 сентября на вторые сутки нахождения на позиции он обнаружил вражеский конвой, но из-за большой скорости судов ему пришлось стрелять с дистанции 16 кабельтовых. Попаданий не последовало. О результатах похода в политдонесении писалось: *«Неудачная атака на транспорт повлекла за собой некоторое недовольство у личного состава, своего рода внутреннее переживание и главным образом о том – «Жаль, что не утопили». Отрицательных настроений нет. Все высказывают ту мысль, что все равно будем беспощадно топить корабли врага»*³¹.

В этом походе при следовании на позицию и обратно подлодке пришлось четырежды погружаться от самолетов противника. Пятое по счету погружение, состоявшееся 14 сентября в следующем походе (семнадцатом с начала войны), навсегда врезалось в память Михаила Васильевича как случай, когда он и его экипаж оказались на волоске от гибели.

Незадолго до трех часов дня верхней вахтой был обнаружен одиночный «Юнкерс». Грешилов приказал срочно погружаться до глубины 40 метров, но дальше произошло непредвиденное:

«Хриненко (боцман М-35, управлявший в походе горизонтальными рулями. – М. М.) докладывает глубину погружения через каждые 10 метров...

– Глубина сорок метров!

– Так держать! – командовал я.

Вижу, боцман перекладывает рули на всплытие и создает небольшой дифферент на корму, чтобы удержать лодку на заданной глубине.

– Глубина пятьдесят метров!

Решил, что мы проскочили по инерции из-за позднего продувания цистерны быстрого погружения, это наша рабочая глубина, ведь мы погружались с большой скоростью, и цистерну быстрого погружения нужно было продуть на перископной глубине, как требовала инструкция. Поступи мы по инструкции, лодка задержалась бы с уходом на глубину на полминуты и нас бы засекли вражеские летчики.

Между тем дифферент на корму возрос до 20 градусов, чувствую, что лодка тяжелеет.

– Дать самый полный! – Морухов (трюмный машинист, специалист, отвечающий за управление воздушными и водяными клапанами подлодки. – М. М.) репетует мою команду в шестой отсек.

Стрелка глубиномера показывает 60 метров, это наша предельная глубина погружения, на ней мы не раз бывали. Глубина 65 метров, дифферент увеличился до 30 градусов.

– Продуть кормовую цистерну главного балласта аварийно! – приказываю Морухову.

Засвистел воздух высокого давления по трубам. Глубина достигла 70 метров. В центральном посту раздался треск, из визира уравнительной цистерны вырвалась струя воды, ударилась в подволоку, в отсеке образовался водяной туман.

Командир отделения трюмных Александр Акинин и командир отделения радистов Дмитрий Наумов кинулись за аварийным инструментом, нашли деревянную пробку и быстро забили в трубу уравнительной цистерны. Через несколько секунд течь прекратилась. Воздух свистит по трубам. Глубина 80 метров. Корпус лодки начинает потрескивать, но падение ее замедлилось, хотя все еще продолжаем медленно погружаться.

Морухов чувствует, что давление в магистрали падает, он самостоятельно подключает вторую группу баллонов, свист в трубах усилился, корпус продолжает злоеюще трещать.

³¹ ЦВМА. Ф. 1077. Оп. 34. Д. 14. Л. 477.

Держусь руками за приборы на подволоке. Лодка стала особенно вибрировать от увеличенного хода, начали тускнеть лампы освещения в отсеке, догадываюсь, что садится аккумуляторная батарея от сильной перегрузки электродвигателя.

Вижу, стрелка прибора приближается к цифре 90 метров. «Как глупо погибаем!» – пронеслось у меня в голове.

Стрелка прибора медленно движется к 100 метрам, дифферент лодки достиг 35 градусов на корму. Прошла секунда, стрелка остановилась и начала быстро передвигаться вправо.

Глубина 76 метров! Кажется, остались живы... Лодка быстро подвсплыла до перископной глубины, а затем погрузилась на 20 метров. Хриненко уверенно удерживает заданную глубину.

Прошло не более пяти минут после сигнала «Срочное погружение», а они нам показали вечность...

Основным виновником оказался курсант пятого курса инженерного училища, отдыхавший после вахты за дизелем. Он находился с нами во втором походе, участвовал в погружении лодки по срочному. Услышав сигнал ревуна, он кинулся закрывать газоотводный клинкет, который уже был закрыт Соловьевым за две секунды после остановки дизеля. Курсант начал вращать маховик клинкета на закрытие, но тот не поддавался. Курсант растерялся, начал вращать маховик в другую сторону, на открытие, в результате чего в лодку попало более 3 тонн забортной воды.

Благодаря умелым действиям личного состава и особенно Александра Морухова, лодка была спасена от гибели. Он и в дальнейшем отличался не раз. В 1944 году ему было присвоено звание Героя Советского Союза»³².

Михаил Васильевич, со свойственной ему скромностью, постеснялся написать, что представление к званию Героя Советского Союза на Морухова писал именно он, в момент, когда он сам еще не имел ни одной награды. В результате его стараний Александр Морухов стал одним из двух подводников, удостоенных высочайшей награды Родины в годы Великой Отечественной войны, кто не имел офицерского звания. Незадачливого курсанта, напротив, наказали, заменив лагерь отправкой рядовым на фронт. Что же касается сентябрьского похода, то «малютка» в ходе него дважды атаковала корабли противника, но, поскольку обе стрельбы происходили в ночное время, Грешилову не удалось точно прицелиться, и торпеды прошли мимо. Из экономии командир стрелял одиночными торпедами, хотя следовало стрелять двухторпедным залпом, поскольку только так можно было компенсировать неизбежные погрешности в определении элементов движения целей.

Подлинный успех грешиловская тактика принесла только в следующем, октябрьском походе. На этот раз лодка заняла позицию вблизи порта Сулина, но обеспокоенное успехами советских подводных лодок немецкое командование сократило движение караванов, усилив при этом их охранение. М-35 заняла свою позицию 15 октября, и только спустя шесть дней ей представилась подходящая возможность для атаки – в вечерних сумерках показался конвой, куда входило сравнительно крупное по черноморским меркам судно.

«Никогда я так не боялся промаха, как на этот раз, – вспоминал Михаил Васильевич. – Казалось, если торпеды минуют корпус транспорта, сердце не выдержит, прикажет всплыть и на виду сторожевого корабля открыть огонь по врагу, что было бы равносильно самоубийству...

Черный корпус вражеского транспорта медленно приближался к невидимой для него последней точке своего курса. Я послал две торпеды – одну за другой, с интервалом в несколько секунд.

³² Грешилов М. В. Подводная вахта // Подводники атакуют. Сборник. М., 1985. С. 50–52.

Увидя след торпед, я с сожалением опустил перископ из-за того, что лодка после залпа начала всплывать, и стал уклоняться вправо в сторону берега. Раздалось два взрыва. Обе торпеды настигли транспорт. От взрыва наших торпед акустика вышла из строя. А вслед за этими взрывами, обрадовавшими экипаж лодки, началась канонада! Все корабли охранения, сопровождавшие транспорт и прозевавшие нас, теперь ринулись в нашу сторону и не поскупились на глубинные бомбы»³³.

Ситуация серьезно осложнялась тем, что глубина моря в месте атаки была всего 11 метров, в то время как высота «малютки» от киля до верхнего среза перископной тумбы – около 7,5 метра. В таких условиях субмарина могла быть обнаружена не только гидроакустикой, но даже по следу взбаламученного ила. Тем не менее Михаил Васильевич отошел от точки выпуска торпед на 1 кабельтов (185 метров) и только тогда лег на грунт. Тем временем румынская канонерская лодка «Стихи» и немецкий тральщик взрывами своих глубинных бомб перемешивали воду с донным грунтом во всем районе атаки. Любая точно сброшенная бомба привела бы если не к уничтожению, то к тяжелому повреждению субмарины, но этого, к счастью, не произошло – все 32 разрыва произошли на достаточном удалении и своим единственным результатом имели только две разбившиеся лампочки. Прошло еще некоторое время, потребовавшееся на ввод в строй шумопеленгатора, прежде чем М-35 оторвалась от грунта и пошла в сторону больших глубин. Акустик доложил, что поблизости слышатся шумы нескольких катеров, которые продолжают прочесывать район в поисках русской подлодки. Как только они останавливались для прослушивания, замирала и грешилловская «малютка», как только они давали ход – командир снова ложился на прежний курс. Еще два с половиной часа игры в кошки-мышки, и субмарина окончательно вырвалась из мелководной западни. По возвращении из похода командир доложил об очередной победе, но только после войны из румынских документов стало известно, что 21 октября он отправил на дно немецкий (бывший французский) танкер «Ле Прогресс», перевозивший в том рейсе почти 500 тонн нефти и бензина. Гибель одного из немногочисленных наливных судов, специально оборудованных для перевозки бензина, вызвала весьма болезненную реакцию у немецкого командования. За этот и предыдущие успехи впервые с начала войны командир М-35 был удостоен боевой награды – ордена Красного Знамени. Для него же лучшей наградой являлось сознание того, что вражеский танкер был потоплен в период ожесточеннейших боев за городские кварталы Сталинграда.

Должно быть, уходя в море, Михаил Васильевич не знал, что еще за два дня до этого командующий Черноморским флотом подписал приказ о назначении его командиром подлодки среднего водоизмещения – «щуки» Щ-215. Этот корабль вступил в строй еще в 1939 году и принимал участие в войне с ее первых дней. Сначала командиром «щуки» являлся бывший наставник Михаила Васильевича – Георгий Апостолов, – но в начале 1942 года он ушел командовать подводным минным заградителем, и с этого момента боевая деятельность «215-й» перестала устраивать командование. Ее новый командир оказался на редкость нерешителен и пассивен. Сначала он побоялся прорываться в осажденный Севастополь, поскольку посчитал риск слишком большим, затем на позиции у входа в Босфор избегал сближения с судами, считая всех их турецкими. Серьезные внушения, которые сделало ему командование, возымели обратное действие – человек окончательно потерял уверенность в себе, начал серьезно выпивать и, в конце концов, заболел серьезной венерической болезнью. Уважением со стороны подчиненных он не пользовался, в результате чего дисциплина у экипажа «щуки» начала серьезно хромать. Оставлять такого командира на должности не имело никакого смысла, особенно с учетом того, что из-за серьезных потерь состав бригады подлодок ЧФ сильно поредел. Вот и решили назначить на его место Михаила Грешилова,

³³ Грешилов М. В. Указ. соч. С. 57.

который к тому времени считался одним из лучших командиров бригады – ведь его лодка второй на флоте была представлена к гвардейскому званию.

Вот как оценивали результаты деятельности командира М-35 политорганы: *«Высокое моральное состояние личного состава, боевая слаженность и наряду с этим высокая специальная подготовка всех командиров и краснофлотцев являются результатом большой работы, проведенной партийной и комсомольской организациями и особенно бывшим командиром этой подлодки тов. Грешиловым (сейчас командир Щ-215). Краснофлотцы и командиры очень трогательно прощались со своим любимым командиром, который на протяжении полутора лет войны провел с личным составом 20 боевых походов (реально 19. – М. М.) и нанес врагу довольно крепкий удар, утопив три транспорта и одну баржу и дав много ценных сведений по разведке баз противника»*³⁴.

Теперь командиру предстояло точно так же обучить и воспитать экипаж новой лодки. При этом он конечно же опирался на ранее заслуженный авторитет, но в глазах новых подчиненных его следовало подтвердить очередными победами, и командир всеми силами старался их добиться. При этом зачастую действия Михаила Васильевича балансировали на грани разумного риска.

В первый раз с новым командиром Щ-215 вышла в боевой поход в январе 1943-го. В этот период на примыкавшем к Черному морю сухопутном фланге Красная армия гнала противника на запад, освобождая один город за другим. Подводники тоже горели желанием внести свою лепту в разгром фашистов. На этот раз позиция находилась у западного побережья Крыма, там, где встречались морские пути, ведущие из Констанцы и Одессы в Севастополь. Глубины моря здесь были вполне достаточными для нормального плавания подводных лодок, но условия боевой деятельности от этого не стали проще. Во-первых, противник в очередной раз увеличил охранение конвоев, включив в их состав авиацию, во-вторых, поиск врага серьезно затруднялся плохой погодой и большой продолжительностью темного времени суток в этот сезон года. Так, 20 января при попытке сблизиться с конвоем в условиях малой видимости командир попросту потерял его из вида на фоне скалистого берега. Атака поздно вечером 23-го на буксирный караван в схожей ситуации завершилась промахом. И вот здесь Грешилов решил показать свой характер. Он не стал дожидаться следующего подходящего случая, а начал преследовать конвой в надводном положении, чтобы повторить нападение. Его замысел заключался в уничтожении корабля охранения торпедами, а остального конвоя – артиллерией. Занять выгодное положение для атаки удалось только спустя 2,5 часа ночью 24 января. Увы, все три выпущенные торпеды ушли «в молоко», даже несмотря на то, что командир перед атакой специально выставил глубину их хода против мелководных целей. По-видимому, имел место производственный дефект, поскольку, согласно наблюдениям немцев, одна из торпед прошла в точности под миделем быстроходной десантной баржи (БДБ) F 125. Хотя сама подлодка стреляла из темной части горизонта, торпедные дорожки выдали ее примерное местонахождение, и враг открыл огонь. Михаил Васильевич был готов к такому развитию событий и вступил с конвоем в артиллерийский бой, подобно тому, как это было в октябре 1941-го. При этом он сам вооружился автоматом ППД и расстрелял два диска патронов по находившемуся на небольшой дистанции буксиру. Через две минуты после начала дуэли в рубку лодки попал артиллерийский снаряд, ранивший двух пулеметчиков, но даже это не заставило Грешилова отказаться от преследования. Артиллеристы «щуки» добились двух попаданий в баржу, но тут командир заметил, что противник взял субмарину в «вилку». Дальнейшая задержка на поверхности могла закончиться очень плохо, и Михаил Васильевич крепя сердце отдал приказ погружаться. Впрочем, противник

³⁴ ЦВМА. Ф. 5643. Оп. 4. Д. 3. Л. 20 об.

не ушел безнаказанным – от огня из крупнокалиберного пулемета «щуки» пострадал буксир «Штральзунд», простоявший несколько недель на ремонте в Севастополе.

Не удалось пополнить боевой счет и в следующем походе. Сказывалась недостаточная подготовленность и слаженность экипажа «щуки» – старпом впервые участвовал в боевом походе и при выполнении расчета торпедной атаки требовал постоянного контроля, инженер-механик забывал отдавать необходимые команды, плохо контролировал плавучесть подлодки во время атаки, боцман излишне нервничал и погрузил «щуку» до того, как был завершен залп, минер – самовольно не выпустил одну из торпед, поскольку ему показалось, что лодка приобрела опасный дифферент. Михаилу Васильевичу часто приходилось отвлекаться на неправильные действия подчиненных, из-за чего не оставалось времени на качественное выполнение своих обязанностей. В результате оба торпедных залпа ушли «в молоко», а командование поставило за поход неудовлетворительную оценку. Жесткая критика была воспринята командиром правильно, торпедные атаки отработали на полигоне, добившись необходимого уровня слаженности между членами команды.

В майском крейсерстве Грешилову просто не повезло: в первой атаке торпеды прошли под мелкосидящими баржами, во второй одна из торпед самопроизвольно взорвалась в 30 метрах от немецкого тральщика, нанеся ему незначительные повреждения. Следует подчеркнуть, что в этом случае для того, чтобы атаковать внезапно, командир не побоялся зайти в пределы нашего минного поля. Несколько раз «щука» подвергалась ожесточенной бомбардировке, но ни в одном случае, благодаря талантливому маневрированию Грешилова, не получала повреждений.

Следующего реального успеха командиру удалось добиться только в августе после окончания очередного ремонта. Пока «щука» ремонтировалась, Михаил Васильевич взял отпуск и съездил в недавно освобожденную родную Будановку, где на протяжении полутора лет проживала семья подводника – жена и двое сыновей. После того как воссоединившаяся семья перебралась к месту службы в Батуми, на душе у Михаила Васильевича стало гораздо спокойнее.

Августовский поход на позицию к проливу Босфор был по-своему уникален. Дело в том, что советской разведке удалось точно и заблаговременно установить, что в конце месяца из пролива должно было выйти немецкое судно, загруженное купленной в Турции хромовой рудой. На кромке территориальных вод его встречал мощный эскорт и сопровождал в один из контролируемых немцами портов Болгарии. Четыре дня субмарина ждала вражеский корабль, который, по оперативной информации, должен был проследовать уже в первые сутки. К концу вторых почти весь экипаж «щуки» пребывал в уверенности, что они зря находятся в данном районе, а вражескому судну уже удалось пройти незамеченным. Единственным исключением являлся сам Грешилов. С одной стороны, он верил в точность информации, добытой разведкой, а с другой – в себя, как в командира, который организовал надежное наблюдение за выходом из пролива. Но с наступлением пятых суток уверенность начала покидать и его. *«Теперь уже трудно было бы возразить против посылки радиограммы в штаб дивизиона, – писал Грешилов в мемуарах. – Операция сорвалась... Но я решил еще немного выждать. Откровенно говоря, позднее сожаление вкралось в мою душу. И зачем, подумалось, я торчал здесь пять суток? Впрочем, все требования, какие я мог себе предъявить, как командиру, который должен поступать в соответствии с обстановкой и не упускать ни единой возможности для достижения успеха, – все эти требования я выполнил... Но если бы понадобилось еще одну ночь проболтаться у входа в эту мертвую бухту – не знаю, выдержал бы я это испытание»*³⁵.

³⁵ Грешилов М. В. Указ. соч. С. 20.

Но судьба не стала дальше испытывать Михаила Васильевича. Незадолго до наступления вечерних сумерек из пролива показался дым, а на кромке территориальных вод – вражеские корабли. Времени торжествовать над сомневающимися не было – следовало выходить в атаку. Благодаря заранее правильно рассчитанной позиции это не заняло много времени: сближение, прорыв охранения и полный носовой четырехторпедный залп с малой дистанции – все было разыграно как по нотам. С борта рудовоза «Тисбе» заметили торпеды, но времени на уклонение уже не оставалось – после попадания двух снарядов судно за считанные мгновения пошло на дно. Теперь впору было подумать о собственной безопасности. Круживший над конвоем самолет заметил лодку, сбросив в место, откуда показалась ее рубка, несколько бомб. Вслед за этим последовала ожесточенная бомбардировка с двух румынских эсминцев и двух немецких охотников за подлодками. И опять всех выручило мастерство командира – он так мастерски уклонялся, что вражеским акустикам не удалось установить гидроакустический контакт, а все сброшенные наугад бомбы легли далеко в стороне. За те две недели, которые «щука» патрулировала на позиции после атаки, разведка успела подтвердить потопление рудовоза. Встреча из похода стала звездным часом Грешилова. *«Возвращаясь в базу ПЛ Щ-215, – писалось в политдонесении, – была торжественно встречена. На крейсерах и миноносцах, базирующихся на порт Батуми, для встречи был выстроен личный состав. Оркестры исполняли гимн партии большевиков. После отдачи рапорта тов. Грешилову и личному составу ПЛ была объявлена благодарность от имени командира бригады и начальника политотдела за инициативу, смелость и настойчивость в борьбе с врагом. После проведенного разбора действий ПЛ командир бригады дал оценку «хорошо»³⁶.* За потопление «Тисбе» Грешилов был удостоен второго ордена Красного Знамени, в дополнение к ордену Отечественной войны первой степени и американскому ордену Военно-морской крест, которым он был награжден еще весной по представлению нашего командования.

В следующий раз «щука» вышла в море только в ноябре – начал сказываться большой износ механизмов, которые в условиях почти полного отсутствия запасных частей и полноценных судоремонтных предприятий полностью отремонтировать было невозможно. Снова ей предстояло действовать у западных берегов Крыма, где в это время противник осуществлял интенсивное судоходство под защитой довольно большого количества кораблей и авиации. К тому времени полуостров был уже отрезан с суши войсками Красной армии, но Гитлер планировал удерживать его и в дальнейшем, понимая, что тем самым он оказывает воздействие на политику нейтральной Турции и своих союзников по оси – Румынии и Болгарии. Снабжать находившуюся в Крыму 17-ю армию можно было только морем, для чего немцы мобилизовали транспортные суда всевозможных размеров и транспортной вместимости. В целом ряде случаев целями атак оказывались плавсредства с весьма малой осадкой, например буксиры и быстроходные десантные баржи, которые немцы использовали и в качестве транспортных средств, и в качестве кораблей охранения. Из-за всех этих сложностей успех Грешилова в этом походе ограничился всего одной потопленной БДБ. Но даже этого оказалось весьма непросто добиться. В ночь на 11 ноября Щ-215 дважды стреляла по конвою, шедшему из Севастополя, но единственным результатом стал ее обстрел кораблями охранения. Первая атака на конвой, осуществленная в одну из последующих ночей, результата не дала, поскольку торпеды в очередной раз прошли под целью. Сохраняя выдержку, командир 4 часа гнался за караваном, чтобы напасть на него повторно. Уже близился рассвет, а недостаточно быстроходная «щука» все не могла настолько обогнать баржи, чтобы снова занять выгодную позицию для стрельбы. В этой ситуации Грешилов решил стрелять издали, с дистанции в полторы мили – так велико было его желание не дать цели уйти. Попа-

³⁶ В годы войны оценка за боевые походы выставлялась по трехбалльной системе: «неудовлетворительно», «удовлетворительно» и «хорошо». ЦВМА. Ф. 5643. Оп. 4. Д. 3. Л. 148.

дание в тех условиях видимости с большого расстояния могло расцениваться как чистое везение, и Михаилу Васильевичу повезло – раздавшийся взрыв свидетельствовал о гибели быстроходной десантной баржи F 592. По-видимому, и упорство и везение командира объяснялось одним и тем же: датой атаки. Все вышеописанное происходило именно 15 ноября, в 31-й день рождения Грешилова. Другой командир постарался бы отметить собственные именины в спокойной обстановке, но Михаил Васильевич всеми силами желал подарка, а подарком для него мог стать только потопленный корабль противника. Он его хотел, он сам себе его и преподнес! Экипаж еще больше зауважал своего командира и на следующий день сделал ему сюрприз в виде торта, приготовленного лодочным коком из продуктов, которыми добровольно скинулся весь экипаж из своего скромного пайка.

В свой последний поход в качестве командира боевой подлодки Михаил Васильевич сходил в марте – апреле 1944 года. Он оказался безуспешен. Немцы в этот период осуществляли эвакуацию своих войск из Крыма на хорошо охраняемых судах. Сблизиться с ними на необходимую для попадания дистанцию изрядно изношенной подлодке оказалось крайне тяжело. К тому же начинала сказываться усталость. К концу этого, уже 25-го по счету, похода Михаил Васильевич пробыл в общей сложности на боевых заданиях 259 суток. Если добавить к ним выходы в море на боевую подготовку, для испытаний механизмов и переходов между портами, то число дней, проведенных в море, увеличивалось до 427. Надо ли говорить, что в боевых условиях, находясь в постоянной ответственности за корабль и экипаж, настоящий командир круглосуточно пребывает в ни с чем не сравнимом напряжении, даже когда отдыхает. Это ни для кого не проходит бесследно. Известие о выходе 16 мая в свет Указа о награждении званием Герой Советского Союза тут ничего не могло изменить.

«Доношу, что 25 мая 1944 года, – писалось в очередном политдонесении, – был направлен в Тбилисский психоневрологический институт Герой Советского Союза капитан 3-го ранга Грешилов Михаил Васильевич с острым психическим расстройством (по типу шизофрении), проявившимся на почве истощения нервной системы в результате сильного напряжения в боевых походах... По имеющимся данным, отец тов. Грешилова страдал хроническим алкоголизмом и невыясненного характера психическим расстройством. Таким образом, надо полагать, что тов. Грешилов и по наследству предрасположен к данному заболеванию.

В данный момент состояние здоровья тов. Грешилова М. В. тяжелое.

Безусловно в дальнейшем к службе на ПЛ не пригоден. О состоянии Грешилова буду сообщать дополнительно»³⁷. В результате 9 июня на Щ-215 был назначен другой командир, и именно он стоял во главе экипажа на торжественной церемонии вручения «щуке» гвардейского знамени (звание присвоено приказом от 22 июля 1944 года). Впрочем, награды и почести никогда не грели душу Михаила Васильевича так, как потопленные корабли противника и сознание честно выполненного воинского долга. Спустя несколько месяцев молодой организм победил болезнь, и с января 1945 года Грешилов вернулся к выполнению служебных обязанностей, правда, уже не в качестве командира подлодки, а начальника штаба дивизиона «малюток». Свое выздоровление он ознаменовал рождением третьего сына – Михаила – в том же победном году.

К тому времени война на Черном море уже кончилась. Формально она завершилась с вступлением наших войск на территорию Румынии и Болгарии в августе – сентябре 1944-го, на фактически уже в мае, после эвакуации немцев из Крыма, подводная война прекратилась из-за почти полного отсутствия целей в море. С учетом этого можно говорить, что Михаил Васильевич прошел всю войну на Черном море от начала до конца. С блестящим послужным списком в октябре 1945-го он поступил в Военно-морскую академию, которую окончил

³⁷ ЦВМА. Ф. 1077. Оп. 34. Д. 22. Л. 75.

тремя годами позже. Впрочем, он не стал делать головокружительную карьеру – сказывалась усталость от войны и желание посвятить себя семье. Спустя полтора года службы в штабе военно-морской базы Поти он перевелся в Москву, где сначала занимал должность офицера Морского главного штаба, а затем на протяжении шести лет (с 1951 по 1957 год) – преподавателя Военно-дипломатической академии Советской армии. После еще одного непродолжительного периода службы в Главном штабе ВМФ в октябре 1959 года последовало увольнение в запас в звании капитана первого ранга «по выслуге установленных сроков действительной службы». В отличие от многих военных моряков, Михаилу Васильевичу удалось найти себя и в гражданской жизни. Долгие годы он работал старшим инженером в Институте акустики АН СССР, где его опыт подводника оказался весьма востребованным. Одновременно он много времени посвящал семье. Все его сыновья окончили институты в Москве: Евгений – МГУ, Виктор – МАТИ, Михаил – МФТИ, и стали крупными специалистами каждый в своей области. Со временем они обзавелись своими семьями, подарив Михаилу Васильевичу четырех внуков и двух правнуков. Его же со временем все больше стало тянуть к родным корням, к курской земле, где он когда-то вырос, но был вынужден покинуть в юном возрасте под влиянием жизненных обстоятельств. После Института акустики Михаил Васильевич больше уже нигде не работал, если не считать неумоимого и так близкого его душе труда на подворье отчего дома в родной Будановке. Прививки и пестование новых сортов плодовых деревьев стали его новой страстью. Грешиловский сад славился во всей округе. С ранней весны до глубокой осени, пока позволяло здоровье, он со своей неразлучной спутницей жизни – супругой Анной Ивановной – колдовал над грядками и яблонями в саду. Позже по состоянию здоровья Михаил Васильевич все больше времени стал проводить в Москве, но и это время не тратил бесполезно, а сочетал с работой в ветеранских организациях, выступлениями перед трудовыми и учебными коллективами. В Москве он и скончался 8 марта 2004 года, когда ему шел 92-й год. Он не очень любил вспоминать то, что ему пришлось пережить в годы войны, но не потому, что его мучила совесть – скорее наоборот³⁸. Просто очень тяжелое это было время, подавляющее большинство его друзей и знакомых погибло еще тогда или умерло от перенапряжения и болезней в первые послевоенные годы, а ему, «черноморскому подводнику номер 1», была уготована непривычная участь долгожителя. Как пелось в одной из песен Владимира Высоцкого:

Но мне женщины молча
намекают, встречая:
Если б ты там навеки остался,
может, мой бы обратно пришел?!

На самом же деле Михаил Васильевич Грешилов был подводником от Бога и настоящим Героем. Добрый, спокойный и скромный по натуре, он никогда не требовал публичного признания своих заслуг и никогда не совершал громких «подвигов» на берегу, что в конечном итоге привело к тому, что сейчас его имя известно куда меньше, чем оно того заслуживает. А жаль!

³⁸ Автору этих строк доводилось встречаться с Михаилом Васильевичем осенью 2002 г. Несмотря на 90-летний возраст, он лично встретил меня у подъезда собственного дома, очень доброжелательно беседовал, а когда я сообщил, что, по материалам исследований документов противника, он является «черноморским подводником № 1», то заплакал от радости и смущения!

Александр Данилович Девятко

Война дала нам множество имен героев, но не со всеми из них людская память обошлась справедливо. До настоящего времени дошли имена только тех, кто совершил один яркий подвиг и отдал за него свою жизнь, либо тех, кто добился ряда менее впечатляющих боевых достижений, зато дожил до конца войны. Спорить с причинами, обусловившими такую избирательность народной памяти, бесполезно. Вместо этого попытаемся описать жизнь и судьбу человека, ставшего самым результативным среди командиров советских подводных лодок в 1941 году и ныне почти полностью забытого.

Будущий герой родился 4 июня (по новому стилю) 1908 года в селе Старые Кайдаки в пригороде Екатеринослава (ныне Днепропетровск). Отец Александра Даниил Федорович был крестьянином-бедняком, но не чуждым водной стихии. Близость Днепра и крайняя нужда заставила его освоить смежную специальность – стать лоцманом на сплаве леса через днепровские пороги. Видимо, поэтому он был призван для прохождения срочной службы не в армию, а на флот. Призыв совпал по времени с Русско-японской войной, в результате чего Даниил Девятко стал одним из матросов печально знаменитой 2-й тихоокеанской эскадры, которая потерпела сокрушительное поражение в Цусимском сражении. Ему повезло не погибнуть от японских снарядов, а попасть в плен, где он провел полтора года. После возвращения на родину в семье Девятко и родился второй сын Александр. Пока маленький Саша рос, началась империалистическая война, и отца снова призвали на Балтийский флот. На этот раз его служба протекала спокойнее, и в начале 1918 года он вчистую демобилизовался и вернулся в родную деревню. В Гражданской войне никто из семьи Девятко участия не принимал, но это не значит, что она оказалась вне временных процессов. Юг Украины неоднократно переходил из рук одной враждующей группировки в руки другой, что привело к крайнему обнищанию тамошнего крестьянства. Не стала исключением и семья Девятко. В результате в конце 1919 года после окончательного установления здесь советской власти родители были вынуждены отдать 11-летнего Александра, который перед этим успешно отучился четыре года в сельской школе, в городской детский дом. Кроме него, в семье было еще трое детей – старший брат Роман, устроившийся на работу в охрану железной дороги и убитый грабителями, а также младшие сестра Дарья (1910 года рождения) и брат Николай (1915 года рождения).

В детдоме наш герой находился до лета 1922 года, когда начал самостоятельную трудовую деятельность – пошел по стопам отца, начав подрабатывать на сплаве леса через пороги. Работа эта была сезонной, и в остальное время Александр помогал отцу по хозяйству. В 1923 году юноша вступил в комсомол, а в следующем году с образованием ячейки ВЛКСМ в родном селе стал ее секретарем. Тогда ему едва исполнилось 16 лет. Осенью 1924 года по комсомольской путевке он поступил в педагогический техникум Днепропетровска, который окончил в августе 1926 года и вернулся учительствовать в родное село. Должно быть, учеба давалась ему сравнительно легко – высокий лоб и умное выражение лица Александра на всех фотографиях говорят о врожденном интеллекте. Если учеба в техникуме и работа учителем дали ему необходимый минимум образования и приучили к общественной деятельности, то упорству, добросовестности и инициативе он наверняка научился, работая в хозяйстве отца. К 1927–1928 годам хозяйство Девятко стало середняцким – в нем имелось пять десятин наделной земли (начинали с 1,8 десятины, а остальное купили у соседей), две лошади, корова, несколько механических орудий труда. Наверное, тяжело было со всем этим расставаться, когда в 1929 году в деревне объявили о создании колхоза. Тем не менее вся семья решительно вступила в него. Практически одновременно с этим Александр стал кандидатом в члены РКП(б) и инспектором ликбеза Днепропетровского района, годом позже – сек-

ретарем местного райисполкома. Казалось бы, жизнь удалась, и можно было через местные органы решить вопрос и с призывом в армию по месту жительства, тем более что по существовавшим тогда нормам Александру, как человеку с образованием, требовалось отслужить всего год, но все получилось иначе.

Должно быть, под впечатлением рассказов отца наш герой добился того, чтобы его направили служить на Балтику – иначе такое совпадение просто трудно объяснить. Попал он на флот простым краснофлотцем – в 1-ю артиллерийскую бригаду береговой обороны Балтийского моря в Кронштадте. Спустя год он сдал положенные экзамены на командира запаса, но увольняться не стал. По-видимому, именно в службе на флоте он обнаружил свое призвание, понял, что именно так принесет максимальную пользу Родине. Ему искренне нравилось изучать военное дело со всеми его профессиональными премудростями, подолгу общаться с краснофлотцами – такими же ребятами из народа, как и он сам. Сохранившему целомудрие простой крестьянской жизни, ему была чужда тяга к ленинградским ресторанам и прочим соблазнам большого города. Потому неудивительно, что он быстро стал одним из лучших, и отцы-командиры просто не могли налюбоваться на нового старшину-сверхсрочника. С точки зрения военной службы в его характере не было ни одного изъяна.

Единственное, чего Александру не хватало, так это образования, но он с крестьянским упрямством засел за книги и добился при этом поразительных успехов. В конце 1933 года он поступил на параллельные курсы Военно-морского училища Фрунзе (так тогда назывался учебный поток училища, где учились те, кто поступал с командирских должностей непосредственно с флота), которые окончил по первому разряду в конце 1937 года. Одновременно с выпуском ему присвоили персональное воинское звание лейтенант, причем выслугу засчитали с января 1936 года, когда на флоте только и были учреждены звания. В период обучения с Александром приключилась единственная неприятность за весь период его службы в ВМФ – в начале 1935 года он потерял партбилет. В то чрезвычайно идеологизированное время за такой проступок наказывали весьма жестоко, и в сентябре 1935 года его исключили из рядов ВКП(б). Тем поразительнее выглядит тот факт, что уже в декабре того же года сам политотдел училища ходатайствовал о восстановлении Александра в рядах коммунистов. Начальник политотдела Надеждин писал: *«Тов. Девятко является ударником БП (боевой подготовки. – М. М.). Политически грамотен, идеологически устойчив, активный коммунист. Достоин быть членом ВКП(б)»*³⁹. Решение об исключении заменили на строгий выговор, который был снят в июне 1938 года за новые успехи в боевой и политической подготовке.

Гармоничный рост Александра сопровождался и успехами в личной жизни. В 1933 году он женился на жительнице Днепропетровска Лии Вольфовне, с которой, должно быть, познакомился еще в период учебы в педагогическом техникуме. Спустя год у них родилась дочь Людмила.

По распределению Александр Данилович попал служить минером на черноморскую субмарину Л-4. Неизвестно, стремился ли сам Девятко к службе на подводных лодках, или его туда забросила военная судьба, ясно только одно – и на этом месте он служил исключительно добросовестно, проявлял максимальное стремление к тому, чтобы овладеть всеми секретами специальности, стать мастером своего дела. С апреля 1938 года командиром Л-4 стал талантливый подводник Павел Иванович Болтунов, который к началу войны дослужился до должности командира 1-й бригады подлодок ЧФ и снова стал непосредственным начальником Девятко, который тогда уже командовал Щ-211. Но все это произошло гораздо позже. К концу же 1938-го, буквально за год своей службы Александр Данилович сумел заслужить рекомендацию командования продолжить учебу в командирском классе УОПП.

³⁹ ЦВМА. Личное дело А. Д. Девятко. Л. 27.

Именно к моменту окончания учебного отряда летом 1939 года и относится первая сохранившаяся в его личном деле аттестация. Имеет смысл привести ее целиком:

«За 8 месячный срок обучения показал себя отлично дисциплинированным, культурно растущим командиром-слушателем, с отличными способностями в успеваемости проходимых дисциплин. Трудолюбивый, разумно-работоспособный, искренне-правдивый и исполнительный командир. Много работал сам и помогал отстающим в изучении тактики и техники подводного оружия. С самого начала учебного года был отличником учебы и дисциплины и занесен на доску почета КУОПП. Серьезно и умно решает вопросы службы и быта. В обстановке при производстве торпедных атак на приборах и других видах учебы разбирается очень хорошо, уверенно, решения принимал правильно и быстро. В общественно-политической работе активен. Был секретарем партбюро курсов. Показал себя хорошим партийным руководителем, умело сочетал учебу с партийной работой. Физически здоров, по характеру выдержан, тактичен. Внешне опрятен, воински подтянут.

Вывод: Может быть полноценным пом. командира ПЛ любого типа лодок»⁴⁰.

На самом деле командование пошло еще дальше, назначив Александра командиром подлодки М-55 Черноморского флота.

Эта подлодка-«малютка» относилась к VI-бис серии, была построена в 1935–1936 годах и отличалась весьма скромными боевыми характеристиками при отвратительных условиях обитаемости. Не рассчитанная на длительное пребывание в море, она имела всего два торпедных аппарата, а из главных механизмов и приборов – все в единственном числе: один дизель, один электромотор, один перископ и т. д. При выходе любого механизма из строя субмарина как минимум должна была возвращаться в базу, а в условиях боевой обстановки запросто могла погибнуть. Экипаж «малютки» состоял всего из восемнадцати человек, из них трех командиров, только два из которых могли привлекаться к несению ходовой вахты – на четыре часа через каждые четыре часа, пока подлодка находится в море. Штат был настолько небольшим, что не предусматривал даже освобожденных должностей кока и санинструктора – эти специальности приходилось осваивать кому-нибудь из членов команды в дополнение к основным обязанностям. Из-за малого водоизмещения и размеров даже при среднем волнении экипаж сильно страдал от качки, а при выпуске одной торпеды субмарина из-за изменения плавучести почти всегда выныривала на поверхность. Даже нормальный ход боевой подготовки на такой подлодке был затруднен до крайности. Тем более рельефными выглядят успехи Девятко в налаживании боевой учебы, установлении нормального морального климата на подлодке, где первое и последнее слово всегда принадлежит командиру. Уже через пять месяцев службы в новом качестве командир дивизиона Клынин в аттестации на Александра Даниловича отмечал: *«Заботлив о подчиненных, активен, пользуется авторитетом, волевые качества развиты хорошо, энергичен, решителен, инициативен, требователен к себе и к своим подчиненным... настойчив, может служить примером личной дисциплины»*. Соответственно и *«личный состав лодки сколочен, техническая подготовка личного состава хорошая... лодка во второй линии, аварий и катастроф нет»*. Объяснял это комдив тем, что Девятко *«много работает над собой, заметно растет в политическом и деловом отношениях»*. Единственный недостаток – *«требует практических навыков в умении организовать и обеспечить выполнение своих решений»* – легко устранялся в процессе практики. Соответствующим был и вывод: *«Вполне соответствует занимаемой должности, растущий командир»⁴¹.*

⁴⁰ ЦВМА. Личное дело А. Д. Девятко. Л. 15.

⁴¹ ЦВМА. Личное дело А. Д. Девятко. Л. 22 об.

И Александр Данилович максимально оправдал слова старшего начальника. В течение кампании 1940 года он добился значка «Отличник боевой подготовки», золотых часов за образцовые торпедные стрельбы и вывел подлодку в первую линию, что означало, что она готова к решению всех задач, которые ставятся перед кораблями этого класса, в любых условиях боевой обстановки. Он назывался в числе лучших командиров 2-й бригады подлодок ЧФ. В формализованной аттестации за 1940 год комдив Клынин одновременно аттестовал его и на выдвижение на должность командира дивизиона «малюток», и на поступление в Военно-морскую академию, но в воздухе пахло войной, и командование флотом в ноябре 1940 года предложило Девятко стать командиром субмарины среднего водоизмещения – «щуки». Сначала ей являлась строящаяся Щ-216, а затем, с февраля 1941-го – вступившая в строй флота еще в 1938 году Щ-211.

Лодки данного проекта к началу Великой Отечественной составляли костяк советского подводного флота. При надводном водоизмещении 584 тонны и длине почти в 60 метров Щ-211 обладала шестью торпедными аппаратами (четыре в носу и два в корме), 45-мм пушкой, зенитным крупнокалиберным пулеметом и большим радиусом плавания. Ее надводная скорость составляла 14 узлов, подводная – 8,5. Лодка весьма удачно подходила для боевых действий на Черном море, обладая одновременно и вполне достаточным радиусом, и автономностью, и не слишком большими размерами для действий в прибрежных мелководных районах театра.

Но о выходе в море новый командир «щуки» пока мог только мечтать. Его первоочередной задачей стал текущий ремонт корабля, который начался еще в ноябре 1940-го. Ремонтных мощностей заводов на Черном море хронически не хватало, и в качестве организации, ответственной за проведение работ, командование флота назначило мастерскую № 1 Технического отдела флота, которая опыта ремонта субмарин ранее не имела. В этих условиях плановые сроки ремонта, который должен был закончиться к 1 апреля, выдержать не удалось. Тем не менее Девятко удалось мобилизовать на выполнение работ все силы экипажа, благодаря чему субмарина смогла вступить в строй 20 июня 1941 года – ровно за два дня до начала войны.

Обстановка, сложившаяся в начале войны на Черном море, была достаточно своеобразной. В отличие от сухопутного направления, где в течение первых недель боев немцам удалось разгромить большую часть советской армии мирного времени, овладеть инициативой и захватить господство в воздухе, на рассматриваемом театре военных действий господствовал советский флот. Немцы тогда здесь своих кораблей не имели, а ВМС Румынии качественно и количественно сильно уступали ЧФ. Тем не менее это не значило, что, имея господство, мы автоматически решали все свои боевые задачи. Как выяснилось, даже организовать нарушение морских коммуникаций между портом Констанца, откуда морем вывозилась румынская нефть, и проливом Босфор оказалось весьма непросто. На выходе из Констанцы стояло минное поле, что мешало субмаринам атаковать танкеры сразу после выхода из порта, после чего судам требовалось всего пара часов времени, чтобы войти в нейтральные болгарские территориальные воды. Следуя далее на юг вдоль побережья, танкеры входили в турецкие терводы, а затем и в Босфор. В любой момент в случае возникновения опасности суда могли укрыться в каком-нибудь нейтральном порту и находиться там неопределенно долгое время, в то время как мы не могли за этим портом наблюдать. Все их выходы в море оказывались внезапными для нас, что не позволяло организовать перехват. Все, что оставалось экипажам наших лодок, так это запастись терпением и подолгу ждать, бороздя вдоль и поперек свои небольшие позиции. Тем временем с сухопутных фронтов приходили неутешительные вести, заставлявшие подводников остро переживать свое бездействие и по возвращении из походов подавать многочисленные рапорты с просьбой записать в морскую пехоту.

Не закончился встречей с противником и первый боевой поход Щ-211. По всем нормам после выхода из ремонта и смены командира подлодке требовалось пройти курс боевой подготовки, отработать торпедные атаки, но командование ЧФ, приняв во внимание, что и экипаж Щ-211 со старым командиром, и сам Девятко, как командир М-55, в кампании 1940 года принадлежали к первой линии, сочло возможным ограничиться только вступительными упражнениями.

«После ремонта надо было отработать слаженность и взаимодействие боевых постов, – вспоминал бывший помощник командира Щ-211 Г. Е. Рядовой. – Эту задачу пришлось решать в первом боевом походе, когда мы получили боевое задание разведать побережье противника.

Выход несколько задержался. С нами должен был отправиться в плавание Иван Изворский, опытный разведчик, бывший моряк торгового флота Болгарии. Это задание он получил по поручению Георгия Димитрова. Но самолет из Москвы задержался, и в море мы вышли с некоторым запозданием.

7 июля вечером отправились на позицию, которую занимала лодка Щ-209. На переходе командир старался каждую милю использовать для боевой учебы личного состава.

И вот побережье противника. Мы внимательно изучили его, особенно район южнее Варны. Часто у перископа находился Иван Изворский.

8 походе встреч с противником не было, но нам стало ясно, что искать вражеские суда надо вблизи берега, где они плавают под защитой минных полей»⁴².

Повышенное внимание к болгарскому берегу не было случайным. Хотя Болгария официально не объявляла войны СССР, она являлась союзником нацистской Германии. С ее территории с участием ее вооруженных сил в апреле 1941 года разворачивалось вторжение на территорию Югославии и Греции. С этого момента Болгария оказалась в состоянии войны с нашим союзником по антигитлеровской коалиции – Великобританией. То, что в июне 1941-го Болгария не объявила вслед за остальными сателлитами войну Советскому Союзу, объяснялось исключительно тем фактом, что правительство этой страны принимало во внимание многовековую взаимную симпатию русского и болгарского народов и знало, что, попади болгарские части на фронт, они будут переходить на сторону Красной армии с развернутыми знаменами. Так оно и получилось, но тремя годами позже. Пока же советская сторона решила разложить изнутри своего невоюющего противника.

Еще в конце июня 1941 года было принято решение забросить на территорию Болгарии при помощи подводных лодок и самолетов около ста диверсантов и руководителей партизанского движения из числа болгарских политэмигрантов. Отобранные для заброски в Болгарию лица были к тому времени уже гражданами Советского Союза, причем многие из них были офицерами Красной армии. Так, на пример, руководители групп Цвятко Радойнов и Иван Винаров были полковниками Красной армии и преподавателями академии имени М. В. Фрунзе.

Июль 1941 года прошел в усиленной подготовке групп к заброске. В качестве задач им ставилось физическое уничтожение немецких военнослужащих, лиц, принадлежавших к болгарской администрации и полиции, проведение диверсий на военных и экономических объектах – короче говоря, партизанская борьба. Уже в начале подготовки Заграничное бюро ЦК БКП и лично Г. Димитров решили вместе с советским командованием, что наиболее опытные и немолодые организаторы будут доставлены в Болгарию по морю, другие подпольщики, помоложе, полетят самолетами и будут сброшены с парашютами. Потому и возникла необходимость в рекогносцировке у болгарского берега, определении наиболее под-

⁴² Рядовой Г. Е. Мы были первыми // Витязи черноморских глубин: Сб. Симферополь, 1978. С. 25–26.

ходящих участков высадки. После того как «щука» Девятко успешно выполнила это задание, появилась возможность перейти к следующему этапу операции.

«Шла седьмая неделя войны, – вспоминал Г. Е. Рядовой. – В один из дней к борту подводной лодки Щ-211, стоявшей в бухте, пришвартовался катер. Прибывшее начальство бригады встречал командир нашего корабля. Капитан-лейтенант Александр Данилович Девятко, как и положено, доложил о том, чем занимается личный состав.

– К походу готовы? – больше для порядка, чем по необходимости, спросил командир бригады.

– Готовы, товарищ капитан 1-го ранга, – ответил Девятко.

Капитан 1-го ранга П. И. Болтунов испытующе посмотрел на командира лодки. Павел Иванович хорошо знал своего подчиненного, верил в способности экипажа, уже совершившего один боевой выход. Поэтому он не стал долго объяснять задачу, а, вручая пакет, сказал:

– Вскрыть, как выйдете в море!..

В этот же день (5 августа 1941 года. – М. М.) мы вышли в поход. Когда миновали боновое заграждение, командир вскрыл пакет. Приказ гласил: выполнить ответственное задание – взять на борт четырнадцать болгарских патриотов и высадить их в районе Варны. После этого занять боевую позицию и действовать на коммуникациях противника по уничтожению вражеских судов»⁴³.

Думается, что Болтунов, хорошо знавший Девятко еще со времен совместной службы на Л-4, предварительно проинформировал молодого командира о необычном характере задачи, которую ему придется решать на этот раз. Благодаря этому Александр Данилович заранее хорошо продумал все детали будущей операции. Это пригодилось. Девятко проверил все, в том числе и подготовку свежее испеченных «десантников» – того, что не учли в разведшколе РККА.

«А тут мы узнали, – вспоминал Г. Е. Рядовой, – что не все наши гости умеют грести. Пришлось организовать тренировки. Сначала учили болгар пользоваться маленькими суденышками прямо в отсеке. Убирались койки, и надувалась резиновая шлюпка. Наши друзья поочередно залезали в нее, и боцман, младший командир Федор Дубовенко, показывал, как держать весла и действовать ими.

По ночам мы уходили дальше от берега, всплывали и подзаряжали аккумуляторы. В это время проводили тренировки на воде. Был случай, когда один из гребцов потерял весло. Старшему краснофлотцу Александру Шапоренко пришлось бросаться в море»⁴⁴.

Лишь на пятую ночь нахождения на позиции, в ранние часы 12 августа «щука» приступила к высадке. Прошла она организованно. Болгарские коммунисты и наши подводники дружески прощались друг с другом и пообещали встретиться в следующий раз в Софии после победы. Увы, сбыться этим надеждам было не суждено. Уже 25 августа болгарские власти арестовали одного члена группы, а спустя еще несколько дней добровольно сдался другой, от которого контрразведка узнала, что партизаны были высажены с советской подводной лодки. К весне 1942 года из состава группы на свободе осталось только четыре чело века (в том числе один перешедший границу с Турцией и вернувшийся в СССР). Восемь человек было арестовано, а двое, не желая сдаваться, покончили жизнь самоубийством. Из экипажа Щ-211 к этому времени в живых остался, по видимому, только Г. Е. Рядовой, который еще в октябре 1941-го получил назначение на другую должность...

⁴³ Рядовой Г. Е. Указ. соч. С. 23–24.

⁴⁴ Там же. С. 26–27.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.